

По наследству

Автор:

Анна Блажкова

По наследству

Анна Блажкова

Саша живет в маленькой деревушке и латает свой дом сама. Ее матери уже нет, отец-алкоголик бросается на каждую юбку, не обращая внимания на траур. У Саши нет времени искать себя – она берется за ту работу, что есть в округе. Саша теряет людей и все, что было ценно, – а в это время огромный СССР теряет себя.

Шахтеры бастуют, обещая перекрыть железную дорогу. Хитрые мошенники наживаются на простодушных селянах. Пока на обломках бывшего величия строится новая страна, Саша пытается справиться с бедностью и беспросветностью бывшего шахтерского поселка. Нарожать ораву от соседского оболтуса, обабиться и спиться – самое простое, но внутри у Саши воздушный шарик, имя которому – свобода.

Анна Блажкова

По наследству или Повесть о воздушном шарике

1

Саша несколько минут лежала с закрытыми глазами и пыталась вспомнить сон. Никакие детали не всплывали. Она погоняла серую массу впечатления от сна, как тюремщик баланду, убедилась, что интересного не выловишь, встала и поставила чайник на электроплитку. Серый сатиновый халат и старые туфли на

плоской подошве были приготовлены с вечера, Саша обреченно облачилась в это старье, вздохнула и пошла за дом к замешанной в корыте глине.

Стена пристройки уже года три показывала свою неприглядность и была похожа на застиранную и порванную во многих местах скатерть. Комнатка за этой стеной – кладовка, и это тоже одна из причин в затягивании ремонта.

Но вот дело пошло. Саша с душой окунулась в чувственную работу: отбила куски старой штукатурки, которые пытели, когда к ним дотрагиваешься, кое-где прибила несколько тонких реек крест на крест и после смачивания стены, ладонью-лодочкой захватывала вязкую глину из корыта, подбавляла к ней пучок сухой травы, уже обеими ладонями сначала мяла, а потом делала плотный комок и довольно сильным, резким движением руки бросала его на стену – «ляп».

По уставу бабьего лета небеса, кажется, звенели чистой синью, по воздуху плыли длинные паутины, а клены потряхивали лимонной листвой. Погода настраивала если не на восторг, то на радость – уж точно. Но в голове Саши присутствовал какой-то страшноватый сумрак. Из него периодически змеей выползала одна мысль: «Вдруг баба Маня умерла».

Дней пять назад Саша ее навещала. Все прошло в обычной тягостной норме, даже был один хороший момент – баба Маня пригласила ее в дом и показала костюм, сшитый собственными руками.

– Видишь, жакет. А вот сарафан, – бабуля вертела вешалку и была очень довольна.

Саша смотрела на вещи, сшитые из серого «в елочку» гобелена, из которого покойная мать строчила автобусные чехлы и подумала: «Как на смерть», – но вслух похвалила бабушкину работу.

«Чего ей умирать? На здоровье она немного жаловалась, так ведь несколько лет подряд одни и те же жалобы. Все сама делает по хозяйству, даже носит воду на коромысле, а я так и не научилась». Саша прошла дальше в огород и стала смотреть на бабушкин двор, в надежде увидеть ее. «Не видно, значит, отдыхает», – мельком оглядела котлован, когда-то густо населенный, теперь мало и, в основном, пьянчугами, подсмотрела задворки четырех соседских дворов (огороды соседей также, как и ее, сверху обрамляли котлован), и

вернулась к корыту.

Она решила заслонить тревожные мысли, которые по ее мнению, сама она и придумала, чем-нибудь интересным – например, представить времена года живыми людьми.

Весна – романтическая студентка, глаза – в небо, спотыкается, очень бледная. Лето – мужчина лет тридцати пяти, все умеет делать, особенно хорошо по строительству, любит повеселиться в компаниях, загорелый здоровяк. Осень – вялая красивая женщина, знает всему цену, любит шляпы. Зима – тетка с мясистым лицом, самогонщица, кряхтит, когда наклоняется, один пуховый платок на голове, другой...

Раздается звонок, на который сразу откликается собака. Пришла материного дяди жена – баба Клава, маленького роста, но с крупной вытянутой головой, с оттянутым книзу подбородком и с длинными зубами. У нее довольно пронзительный голос, и она им лихо расплескивает тишину двора, что хранилась до ее визита:

– Батя дома?

– Спал, вроде бы...

– Трусов ему нашла, – баба Клава извлекла из матерчатой сумки шелестящий газетой сверток.

Вышел отец, он стоял на пороге своего дома с широко открытыми полупьяными глазами.

– На, – баба Клава ткнула его пакетом в живот, – гуляешь?

– Почему мне не гулять? – он сделал довольную жизнью улыбку, – дядь Валя дома?

– Дома, – в этом слове родственница очень твердо произнесла букву «д», как будто ударила по ней молотком и посмотрела снизу вверх на отца, говоря своим взглядом «дома и делом занят, не то, что некоторые».

– Баба Клава, а ты сейчас не заходила к бабе Мане? – спросила Саша.

– Нет, – протяжно и с долей настороженности ответила Клава.

– Пожалуйста, зайди к ней сейчас, я вся в глине, потом вечером она закроется на сто замков. Что-то мне тревожно.

– Хорошо, зайду, зайду, – баба Клава спешно уходит.

Утешая себя тем, что бабулю проведают, Саша возвращается к своей работе.

Ровно через десять минут вновь звонок, Саша уже мчится к калитке.

– Маня умерла, – шипя от одышки, выпаливает Клава, – уже мухи, она вспухла.

Отец уходит с Клавой, Саша быстро смывает глину с рук и ног и бегом к бабушкиному дому.

Отец вышел из тещино флигеля и с мрачной торжественностью сказал, что накрыл покойнице своим носовым платком лицо, потому что оно испортилось, и ушел домой.

Учитывая смрадность воздуха, Саша оперативно обыскала комод, где по ее соображению могли быть документы.

Документы, фотографии, немного денег она забрала, и пошла вызывать милицию. Клава понесла страшную весть мужу, чтобы потом эту весть передать по его родне: дать телеграмму в Ростов средней сестре Анне и сходить в глубь поселка к среднему брату Федору.

Милиция подъехала к вечеру. Помимо вопросов, милиция организовывала увоз тела быстро упокоившегося. Но два сотрудника проявили доверчивость и, не глядя, поверили словам Саши, что бабуля не задушена подушкой, не огрета лопатой и не обворована после этого.

– Все цело. Дом не заперт был. Одета в чистые вещи (именно в костюм из гобелена). Соседи, я узнала, видели ее в день разноса пенсий, она из магазина

шла. Значит, вернулась, наверное, стало плохо ей, легла и всё...

- Что ж, распишитесь.

- А заходить будете? Я только документы унесла, остальное всё как было.

- Мы вам верим, - ухмыльнулся милиционер.

- Так как же бабушка? Ее в морг надо.

- Не надо. Ей уже семьдесят четыре. Идите завтра в свою поликлинику, там возьмете справку о смерти.

Дед Валентин катил перед собой тележку, за ним шла его Клава и вездесущая их подруга Кира.

- Берите, что хотите, - объявила Саша.

Женщины стали шерстить тряпки, дед погрузил на тележку доски, которые должны были пойти на ремонт забора.

Лежало тело с накрытым носовым платком лицом, а вокруг возникло столько движения: Саша выносила вещи, мебель, посуду на свежий воздух, дед делал ходки с тележкой. Помимо досок он взял телевизор и радиоприемник, тумбочку, какую-то посуду, шторы, половики и покрывала. Может быть, усталость помешала ему более внимательно все осмотреть и забрать еще что-нибудь по своему вкусу.

- Сколько у нее денег? - спросил он.

- Пять двести, только на гроб, - по печальному опыту похорон матери в прошлом году, Саша знала цены на эти последние потребности для неживого человека.

- Мало, - как-то даже раздраженно сказал дед.

- Что поделать, - вздохнула Саша.

Пустые комнаты казались более большими, в зальчике остался только платяной шкаф, который Саша не могла сама вынести, в передней на диване лежала баба Маня, кухня и веранда тоже были пусты, Саша закрыла дом. Кое-что она отнесла в землянку и повесила навесной замок на дверь. Принялась таскать, что осталось после дедовского «шмона». Ее интересовали посуда и керосин - у бабушки были большие запасы керосина, потому что летом она готовила на керогазе, - а так же много старых, но вполне добротных ведер, два больших корыта и несколько тазов. Все эти раритеты, перешедшие в ее руки, внесли мизерный положительный эффект в происшедшее. И, главное, посуда и керосин стояли в землянке, где пахло керогазом, прохладой и перечной мятой.

Старая баба Нюся, мать Сашиного отца, которая родилась на двадцать лет раньше своей свахи, пришла, позвякивая алюминиевой тростью, под навес, где громоздилась на горе венских стульев большая охапка одежды, источающая трупный запах. Старуха перещупала вещи, но взяла себе валенки, сокрушаясь, что ей было бы лучше, чтобы валенки были на размер больше.

- Яки? у сва?хы хоро?ши дрова, - она держала в руке аккуратное поленце и ележно смотрела на него.

- У бабы Мани хорошая пила, вот она, - Саша показала пилу.

- До?бра пы?лка, во?стра. Ты йы ныко?му нэ давай.

- Конечно.

- И ба?тьки нэ давай, вин полома?э. - Со смертью нелюбимой невестки, всем показалось, что баба Нюся утратила свой великий смысл - хаять Сашину мать, но сердце ее, имевшее большой в себе угол для ненависти, уже подселило туда неприязнь к сыну.

Около восьми часов вечера приехал Гоша, брат Саши. У них была разница в возрасте всего-навсего год, четыре месяца и пять дней. Несмотря на то, что Гоша младше и смотрелся мельче своей сестры, он вел себя как мудрый и бывалый человек. Великодушно прощала ему Саша частые насмешки и ядовитенькую критику по поводу ее самой, потому что любила брата. «Он

умный, очень хороший, редкой породы человек, а недостатки – подумаешь, какие-то мелочи: ну, пижончик, да меня высмеивает – ничего страшного, не облезу».

– Я тебе звонила, когда мы узнали.

– Как назло задержался в Ростове.

– Сегодня уже ничего не надо, а вот завтра будет трудный день, и денег – всего-ничего.

– Деньги на похороны возьму из тех, что отложены были для тебя на проект с Михалычем, все равно пока ничего не сдвинулось.

2

Михаил Михайлович, давний приятель отца был умнейше-хитрейшим человеком и дружбу с Анатолием завел на деловой почве. Анатолий тридцать пять лет работал в автоколонне, шофером, механиком и потом снабженцем. Последняя должность притягивала к нему большое количество людей, имеющих транспортные средства, потому что не было такой запасной части или резины, которую не мог бы он достать. Другой бы уже покрылся золотым напылением, а этот был простодыра – всё сводил к бутылке. И вот редкий день в году он был вечером трезв и его карманы никогда не отягощались крупными деньгами. Даже секрет его успеха в добывании дефицитных железяк был под стать ему простодушен: он угощал обедами бухгалтеров и кладовщиков в Ростовском управлении. Падкие на дармовщину, они без очереди выписывали ему всё, что он просил, думая: «Не из своего же сарая. Другие снабженцы жмутся, значит, получат дулю».

Михалыч часто менял работу, и всегда ему подворачивалось место с подогревом. Спасая небольшой машинный парк аптекоуправления, он расплачивался с Анатолием трехлитровыми банками спиртовой настойки боярышника. В такую же посуду наливались сливки на молзаводе, чтобы исправно работали молоковозы. Когда Михалыч стал директором банно-прачечного комплекса, в ход пошли мешки стирального порошка. Это было так своевременно в пору талонов даже на моющие средства.

Его интересы стали распространяться постепенно и на детей Анатолия. Положительные и непьющие они внушали ему доверие. Гоше и его компаньонам он сдал в аренду комнату в пункте приема белья в прачечную, почти в самом центре города, под магазин мотозапчастей. Саше Михалыч подвозил литровые флаконы шампуня и косметические кремы, брал сразу наличными, а потом это добро Саша, испытывая стыд и душевные разногласия, продавала дороже, причем, ей еще нужно было найти покупателей, и для этого с сумкой побегать не один километр.

Страсти к торговле у Саши не было, ей всегда казалось, что она лишена призвания торговать. Но в пятом классе ей удалось уговорить бабу Нюсю вынести на местный вокзальный базар квашеную капусту. Из каких-то взрослых разговоров Саша узнала, что с осени было мало капусты, и многие не запаслись ею на зиму. И что теперь у кого есть капуста, продают ее чайными блюдцами.

– Ба, пойдем и мы продадим, у нас же много капусты, – Анатолий, тогда еще шофер, привозил в больших количествах дары полей и бахчей из казачьих станиц, куда делал рейсы на своем пазике, и где его знала каждая собака.

У Нюси от предложения приставучей внучки глаза блеснули тем озорным светом далекой поры, когда она, как говорят, не слезила с базара и знала кое-какие запрещенные приемы, например, изготовить томат из квашеных помидоров и еще разбавить его водой. Или «под шумок» на пару с мужем украсть у колхозников поросенка.

– Ну шо, Валька? – спрашивала Нюся у Сашиной матери, – мо?жэ и правда понэ?сты капусту. У нас богато, до новой хва?тэ.

– Смотрите сами. Хочется померзнуть, так идите.

Торгаши отправились, и Саша как бы вошла в коридор здания, именуемого Торговля.

Коридор ей показался неудобным и остальные комнаты уже не привлекали ее. Пришлось с утра до самого обеда простоять на морозе и, пряча заискивость, смотреть на каждого проходящего, как на предполагаемого покупателя. Покупатели, конечно, были, даже учительница начальных классов ее школы, и Саша, пританцовывая от холода, спряталась за спину бабушки.

Спустя три года Саша уже вошла в переднюю не полюбившегося здания, чтобы помочь ближнему – Гоше. Он был одержим накоплением денег на покупку мопеда, и для этого выращивал кроликов на продажу. Анатолий воскресным утром отвозил детей с сумками, в которых дрожали кролики, на центральный рынок.

Уверенный, что ничегошеньки с Гошей и Сашей не случится, он возвращался домой. Дети сразу становились объектом наметанных глаз спекулянтов. Несколько дедов с подловатыми лицами вились возле Саши и Гоши и напоминали вражью психическую атаку.

– Да отдай ты им, они больше не дадут, – просила сломленная Саша.

– Нет! Сказал – нет, и не уговаривай. Они спе?ки, им быстрее убить и продать мясо, а потом шкурку.

– Так все, кто покупает, для этого и берут.

– Не все. Есть покупают на завод. Я таким лучше продам.

– Ты что, на лбу прочтешь, для чего берут?

– Молчи, дура! Сам знаю.

– Сам! Сам! Придумал растить таких хороших зверьков на погибель. Помешался со своим мопедом.

Дуясь друг на друга, они возвращались домой на трамвае, часто везя своих Великанов и Шиншилл обратно в клетки.

Уже двадцатилетняя Саша, как-то попав на городской рынок, чтобы купить пару дорогих моченых яблок, услышала:

– Купите морковочку! Ее везде надо, и в борщ, и в салат, и так поесть. Всего 20 копеек. Любую выбирайте, – как заговор, с распевом проговаривала старушенция.

- Это что, одна морковка 20 копеек?

- Да, милая. Новая еще не выросла, а морковочка везде нужна, выбирай, моя хорошая.

- Мне не надо.

Старушка поджала губы.

Прогулка между рыночными рядами выглядела аристократически – ходит эдакая модница с вызывающей прической, которую интересуют моченые яблоки по четыре рубля – эх, беспечность! Однако, Торговля, сама того не подозревая, открыла свой секрет:

- Ма, представляешь, морковка на рынке 20 копеек штука!

- Перед новой старая всегда дорожает, да и все вообще – возьми те же яблоки, на Новый год они полтора – два рубля, а сейчас – четыре пятьдесят, и вкуса никакого.

- Знаешь, как они пахнут! Слушай, ма, давай осенью накупим моркови по десять копеек за килограмм...

- Ну, и дальше что?

- Как что? Весной начнем продавать по двадцать копеек за штуку.

- Брось глупости говорить.

- Ничего не глупости.

- Где хранить? В нашем погребе она не долежит до весны, и места мало, то у людей хорошие подвалы. Потом, кто будет сидеть днями на базаре? Я не буду, ты тоже.

«Всё верно», – подумала Саша и на несколько лет забыла о торговле. Иногда советовали ей умные люди, и Гоша в том числе, что надо привозить что-нибудь для «оправдания дороги», когда она по два раза ездила в Москву и Киев. Саше делали заказы знакомые, и она честно искала в Москве кроссовки и краску для волос, в Киеве рейтузы с начесом большого размера и чай «Бодрость». Никогда не было мысли везти дефицит, чтобы спекулировать. «Торговля унижительна и лукава до пошлости», – думала она, и ей казалось, что это суждение зацементировано в одном ряду с другими ее благородными суждениями.

Но... В двадцать девять лет, ей захотелось сменить одну работу на другую. А так как ученица обойщицы мягкой мебели первые три месяца получала копейки, тут и состоялась сделка с Михалычем. Саша вспомнила, как обычно все благоговеют перед фарцовщиками, и согласилась на сбыт косметики.

Много потрудился для государства Михалыч, но подходил пенсионный возраст, и обмозговав всё как следует, он подъехал к Гоше в магазин.

– Гоша, ты же знаешь, что у меня большие связи, зачем их в землю зарывать и сидеть выглядывать пенсию – эту смешную сумму. Хочу открыть торговую точку – продукты продавать, а то в магазинах наших гольё. У меня и колбаса будет, и мясо, и шоколад. Я уже присмотрел киоск, бывший книжный на вокзале.

– Что ж, место бойкое.

– За киоск просят 800 тысяч, одному накладно. Давай я возьму Сашу в дело, и сбросимся по 400.

– У нее за душой ни копейки, но я бы нашел деньги.

– Ты согласен?

– Конечно. Зачем упускать возможности?

– Я буду держать тебя в курсе. Ты сам поговоришь с Сашей?

– Да, скажу ей, уверен – она согласится.

Саша согласилась. Не потому, что Торговля собиралась зачислить ее в свой штат, а оттого, что выдохлась на мебельной фабрике. Когда-то она заскучала на оформительской работе: четыре-пять экземпляров объявлений и поздравлений – не партсобрание, так комсомольское, то партконференция, поздравления в паре с торжественными собраниями – это текучка, так называемая. Из крупного – доски почета и доски позора, экраны соцсоревнования и экраны показателей. И мертвой рекой транспаранты с партийными призывами: «Выполним досрочно», «Перевыполним», «Пятилетка качества», «Пятилетку за четыре года», – и всё в этом роде. Конечно, работа такая, но зачем писать глупости? Вместо них, просто украшать производственное пространство и территорию, а работать всем по совести. Парторги, ее непосредственные начальники тоже осточертели, смотришь в глаза – вроде горят стремлением к справедливости на собрании, или где нужно кого-то проработать, а так не только мелкие карьеристы и дрожателю за свой портфель, но еще в большинстве хапуги.

– Посмотрите на эту глупую! – пыталась вразумить подругу Таня Руденко, Сашина сослуживица, – мало того, что развелась с человеком, который получал по 300–400 рублей, квартиру ему оставила и с работы увольняется.

– Плевать на его зарплату. Квартиру ему дали. Во-первых, я не люблю квартиры, во-вторых, он сирота, пусть богатеет.

– Квартира двухкомнатная!

– Ну и что? В кооператив внесен только первый взнос, как ее делить?

– Ой, дура!

– Ничего, не пропаду. Хамство терпеть не желаю! Бестолковой работой заниматься не желаю! – Саша выпрямила спину и отвела от себя правую руку, театрально изображая свободного человека. Потом улыбнулась, но все-таки серьезно добавила, – пойду учиться на плиточника-мозаичника.

Из этой затеи ничего не вышло, потому что получить такую полезную профессию кроме Саши, и может еще человек трех, никто не рвался. Пообивала Саша какое-то время порог училища и плюнула на новую профессию.

– Может, отец тебя на пивзавод как-нибудь устроит? – со слабой надеждой спрашивала мать.

– Я технолог только по бумажке, на практике – ноль. Пивзавод неудобно расположен, ночами ходить со второй смены мимо вокзала и наших балок врагу не пожелаешь. Я представляю, какая на пивзаводе сырость, мрачность и вонь.

– Почему вонь?

– На хлебокомбинате была вонь. Не везде, конечно, а где дрожжи хранились и где черствый хлеб размачивали. Бр-р, – Сашу передернуло.

– Ну тогда не знаю... Смотри сама.

Саша посмотрела в сторону мебельной фабрики. «Если идти быстрым шагом, то двадцать минут – и на работе. Буду грузчицей. Труд простой: руки, ноги работают, голова отдыхает, а зарплата – почти в два раза больше, чем у оформителей.

– Зачем тебе быть грузчицей? Иди на обойку, будешь в тепле, – уговаривала начальник цеха, глядя на Сашин бирюзовый лыжный костюм маленькими треугольными глазами, как у сенбернара.

– Грузчицы хорошо зарабатывают.

– Не больше обойщиц, уж я то знаю, – начальница встала, прикутала плечи кудрявым пуховым платком, совсем сузила глаза и тихо душевно посоветовала:

– Иди на обойку в бригаду Рябони?.

Люда Рябоня? больше всех невзлюбила Сашу. Проявления этой ненависти были особенно заметны в день закрытия нарядов, когда она спрашивала у бригады: «Как закрывать новеньким?» – четверым, в числе которых была Саша.

– Наравне, – выкрикивали два-три демократических голоса.

Но «наравне» получала одна Света Курьянова – нагловатая бракодельщица, под два метра ростом, с которой бригадирша ходила домой, имея бо?льшую безопасность после второй смены с такой спутницей.

Несправедливость с зарплатой длилась год, пока Сашу не выбрали бригадиром. Поворот в жизни так потряс ее, что дня три ей казалось, будто всё приснилось.

– Но ведь я же не зашью шестнадцать диванов за то время, что другие, – выставила вечный упрек Рябони, как первый аргумент, Саша.

– Да почти год прошел, как диван-софу сняли с производства, ты все делаешь хорошо, без брака, на машинке строчишь, и ты техникум закончила, а нам, главное, наряды честно закрыть, – молила бригада.

– Неужели из тех, кто отработал двадцать-тридцать лет, никто не может возглавить бригаду? Вы же всё знаете, всё умеете, еще гвоздиками диваны обивали, – продолжала упираться Саша.

– Мы малограмотные, – разводили руками самые гавкучие, – а ты сможешь, год за тобой наблюдали. Благодаря тебе ватин теперь по-хозяйски сложен, рыться без толку не надо, и видно, что есть, а что заказывать. Ты по готовым подушкам не ходишь и чужой брак молча исправляешь.

Саша обвела глазами целую бригаду доброжелателей, посожалела, что ушла в декрет Чаленко, которая с радостью бы захотела повышение на карьерную ступеньку; и взвалила на себя ненужный крест бригадирства.

Первые три месяца ее рабочее место обступали сладкоголосые радетели после получения корешков на зарплату. Терпеливо и основательно с калькулятором в руке Саша разжевывала все цифры. Самые мелочные и сомневающиеся поняли, что их ни на копейку не обманули, и в отношении зарплаты воцарился долгожданный покой. Более того, из месяца в месяц работницы Сашиной бригады получали хоть на несколько рублей, но больше, чем в другой смене. И напрасно трижды в первый день месяца проливали слезы бригадирша другой смены: перед экономистом, что Сашиной бригаде закрыли всё сделанное, а ей – сколько не хватает до плана, потом, брызгая слюной, багровея и всхлипывая,

объяснять своим старым скандальным обойщицам, как ее опередила Саша. Третья волна слез катилась уже при встрече двух бригадиров:

– Зачем ты так сделала?

– Как?

– Всё закрыла.

– Да, закрыла, если бы меньше сделали, меньше бы закрыла.

– Ты нечестно поступила.

– Кто раньше встал – того и сапоги. Ты тоже бы точно так поступила.

Это было правдой. Впервые в жизни Саша столкнулась с воинственным духом за трудовую копейку именно на мебельной фабрике. В ее характере было в избытке хозяйственной мелочности – рассортировать и разложить какой-нибудь хлам, но финансист она была никудышный. Возглавив бригаду, пришлось стать защитником интересов восемнадцати женщин с другой убежденностью.

Даже на оформительской работе, под прессом «кумачовых истин» внутренняя свобода Саши напоминала только что надутый воздушный шарик, потому что ей давали задания не последние люди на производстве, и часто в их обращении была просительность. Не появлялось у нее в такие минуты чванство, но она себя чувствовала человеком, ведь только она решала какой использовать шрифт, и какого цвета и размера будут буквы, и как все скомпоновать. Хотя зарплата была бы такой же и при худшем исполнении, Саша старалась, а шарик свободы отливал бликами и готов был взлететь.

Работая на мебельной каждодневно приходилось душить свою свободу: сначала терпеть урезание в зарплате, потому что за старыми обойщицами тяжело угнаться, терпеть боль в руках от пневмопистолета и жестких кроев, очень рано просыпаться, когда первая смена. И самое неприятное – сделать своим товарищем компромисс – быть хорошей для бригады и для начальства. Требуется мастер столько-то штук – бригада упирается, а Саша: «Девочки, надо. Ведь заработаем». Компромисс подсказывал отводить глаза, когда одна-две

вороватых обойщиц выбрасывали иногда детали или крой в окно. От всего этого Саша надорвалась. Свобода стала похожа на потемневший мятый шарик, который печально висел на нитке.

«Все имеет начало и конец», – думала Саша, ожидая хороших перемен. Перемены настали – начиналась ломка старых производственных отношений. Фуры, привозившие детали и подушки приезжали порожние, или с кучкой комплектующих, на которую хотелось только плюнуть. Старые обойщицы говорили: «Делаем геморрой», пуская в работу все обрезки. Всё заголилось: клетки-контейнеры, похожие раньше на баррикады из подушек, брусков и поддонов, стояли пустыми и давали возможность хорошего, от начала и до конца, обзора цеха.

Диваны, сделанные вынужденным креативным способом, теперь вмещали в себя ведро клея и были сутулыми.

Акционирование не принесло добрых плодов. Ну, купили все по несколько бумажек, Саша – аж восемь штук, а могла бы неплохо одеться на эти деньги, но Украина стала отдельным государством со своими неурядицами и прекратила поставку латексных подушек. Развал и неразбериха начались на всех смежных предприятиях. Когда переработали обрезки и огрызки начались простои. Саша наоборот заметила, что ее свобода начинает оживать. Появилась не страшная уверенность, что ее сократят потому, что она не мать маленьких детей и ей не год дорабатывать до пенсии. И вот в такой момент появилось предложение от Михалыча насчет киоска.

«Прощай унылое производство», – так думала Саша, быстренько рассчитываясь с фабрики. Вместе с нею увольнялась и Ольга, ее подруга, которой свекровь подыскала место в колбасном цехе. Ольга, несколько лет отработав поваром, потом от безысходности попав на фабрику (не без помощи Саши), – тоже увольнялась без сожаления. Веселые подруги возвращались домой, и осенний день был в хорошем настроении, блистая всеми оттенками золота от подплывающего к западу солнца.

Ольга на следующий день пошла по указанной свекровью тропинке делать колбасу. Саша, оставшись дома, расправила плечи и решила заделать прорехи в хозяйстве. Михалыч хлопотал о покупке киоска, и даже как-то понадобилось всей компанией встретиться с директором книготорга. Саша принарядилась: вещи были хоть и не новые, но составляли вполне модный комплект, и вроде бы

ей удалось произвести впечатление на директора. Она заметила несколько масляно-заинтересованных его взглядов, но оценила это в ломаный грош, потому что имела мнение: на каждую встречную так посматривают типичные потаскуны. Однако Саша была уверена, что женщинам такие нравятся, она язвительно в душе перечислила внешние достоинства директора: «Высокий, симпатичный», – этот штамп ей приходилось часто слышать от пустых женщин, но она старалась сохранять внешнюю серьезность. Визит был недолгим, директор обещал готовить документы, необходимые для продажи. Михалыч с дочерью сели в свою машину. Саша села в машину к брату.

Через несколько дней Михалыч появился у Гоши в магазине с удрученным лицом:

– Представляешь, за киоском не закреплена земля. Это значит, что я постоянно буду в зависимости от вокзального начальства. Неохота их кормить, да еще в прихвате с вокзальной милицией.

– Да, действительно, неприятный ход событий, – отреагировал Гоша.

– Книготоргу дал отставку. Куда такие деньжищи за один железный коробок. Там у нас на поселке пустует приемный стеклотары, говорю заведующему: дай в аренду, так он уперся – нечего мне конкуренцию создавать. Я сказал, что хлеб, соль и спички не буду продавать, а больше в вашем магазине ничего нет. Он обиделся, все равно, говорит, нам нужно это помещение. Я попытался пугнуть насчет всяких проверок, так он, сволочь, Стародубцем прикрылся.

– Стародубец считается «авторитетом», воевать с блатными не хотелось бы. Однако, каков заведующий! Нашел укрытие, – досадливо заметил Гоша.

Расстались на том, что Гоша будет ждать еще какие-нибудь варианты от Михалыча, держа наготове нужную сумму денег. Но проскакивали деньки, а вариантов все не было, может даже они и были, но известны одному Михалычу. Саша не волновалась, дел по дому накопилось, и главным для нее было – вырваться из фабричного плена.

«Надо спать», – уговаривала себя Саша, однако воспоминания выстроились в длинную очередь и куда-то оттеснили сон. Теперь, когда факт смерти бабы Мани стоял неприглядный и зловещий, Саша вспомнила, как три дня назад она не могла спокойно уснуть, потому что, как и сегодня днем, ее буравил вопрос: «Вдруг баба Маня умерла?» Потом всякая ерунда тьякала на вопрос, пока он не испарился. А утром засосали дела. «Ведь я обещала заходить раз в неделю, и в субботу была у бабы Мани», – утешалась Саша. Затем, ближе к вечеру приехали на голубом москвичке родственники по отцу – двоюродная тетка с сыном. Саша не питала к ним добрых чувств, и год назад не сообщила им о смерти матери. От случайных людей прознала тетка, что нет больше ее кумы, и поспешила к Анатолию с тетей Нюсей.

– Ой, кумушка моя, моя красавица, – гундосила тетка, – что ж такое получилось? – и она заглядывала в глаза то старой Нюси, то Саши. Нюся ответила за двоих:

– Сэ?рдце. Шо зро?быш? Сама пи?ду сли?дом.

Гости хоть и жили по географическим меркам недалеко – километрах в пятидесяти в совхозе, или бывшем совхозе, в общем, в деревне, – остались ночевать.

Дом, в котором жила Нюся и Анатолий после смерти Валентины стал неуютным, хотя Саша и пыталась его поддерживать уборками, но мрачная атмосфера, кажется, навсегда в нем осталась жить. Даже новый светлый линолеум в самой большой комнате говорил о том, что его постелили, чтобы закрыть то место, где упала Валентина. Саша расположила гостей в своем двухкомнатном флигеле, а сама ушла спать к Гоше. У Гоши тоже был флигель из трех небольших комнат, обставленных красивой малогабаритной мебелью и с умелым подбором цвета всего, что было в интерьере. Совместными стараниями брата и сестры этот флигель внутри имел европейский вид, и так же по-европейски был чист.

Летнее тепло уже выветрилось, уступив место осенней зябкости комнат, многие протапливали свои жилища и Саша тоже, но Гоша всегда тянул до настоящих холодов, считая, что нужно закаляться. Сестра в шерстяных лосинах, свитере и теплых носках сделала из одеяла кокон и уснула на полу, чтобы не разбирать пухлый диванчик и не придавать брату хлопот. Когда похудевшее утро уже достаточно разбавило молочным светом отступающую ночь, раздался звонок. Этот трезвон мощного школьного сигнала начала и окончания урока, казалось,

должны были услышать даже в центре города. Саша умела реагировать на тревожные и враждебные поползновения внешнего мира, потому что получила с детства закалку проживания в неблагополучном районе, поэтому быстрее любого пожарника добежала до калитки. Но улица, обозначенная сине-зелеными ширмами заборов, была пуста. Гоша тоже выбежал в плавках, брат и сестра смотрели друг на друга непонимающими глазами.

«Это был знак», – с укоризной к себе думала Саша, – «ведь есть, есть место в моей жизни всякой эзотерике, даже чертовщине, а я всё от нее отмахиваюсь. Если бы раньше подоспеть, то не было бы этого ужасного вспухания». Вспомнился удар в окно среди ночи перед смертью матери, и веселое с примесью истерии настроение, пока не сообщили, что мать умерла. «Выходит, не осень золотая и не увольнение с фабрики были причинами радости, это тот самый смех, который бывает перед слезами. Не зря религиозные люди не одобряют крайние точки настроения».

Саша отодвинула катушки черных ниток-мыслей о тайных знаках вместе с воспоминанием о четырех черных кошках, пересекших дорогу в разных закоулках, когда они с Гошей искали по всему поселку «читалку» на всю ночь над матерью-покойницей, и потянула за ниточку из катушки смешанных ниток-настроений.

«Как бывает странно: баба Нюся недолюбливала меня и Гошу, когда мы были маленькие, возила в нашей коляске двух светловолосых внучат, а мы брели, держась за коляску, которую сделал дед Валентин для меня, и называла нас косоглазыми зайчатами. Теперь мы стали самыми близкими ее внуками. Да и она беспомощная, плохозрячая смогла примагнитить к себе сострадательные чувства, без колючих примесей родственного долга. Просто из почвы, где перегнило все плохое, вырос здоровый, красивый побег теплого отношения к ней.

Баба Маня обожала нас, единственных, ни с кем не сравниваемых внуков. Ее бордовые петушки на палочках были самыми вкусными леденцами, потому что она делала их для меня и Гоши, мы просили ее:

– Бабушка, снег идет, уже можно петушки готовить.

Она сама расщепляла дощечку, подстругивала каждую палочку, доставала с кухонной полки форму на два петушка, варила сироп и несла с улицы таз со снегом для охлаждения. Это был такой сказочный процесс для детского умишки, не похожий на простые, порой неряшливыеготовки бабы Нюси.

И мы с Гошей тоже оценивали двух бабушек, и чаша весов для бабы Мани была больше и глубже. Из нее торчали игрушки, вороха книг, на первых и последних чистых двух страницах которых она разрешала рисовать, джемпера новые и с заштопанными ею локтями, вязаные носки, варежки, вкуснятина жареная, печеная, плавающий в баллоне под марлечкой чайный гриб, и наверху, на всем этом богатстве в ореоле добра и заботы стояло красное яблоко-копилка, размером с человечесью голову, полное железных рублей».

Светлячком вспыхнуло воспоминание – полувзрослая Саша считала подружкой бабу Маню, и как десерт, раскладывала секреты и вопросы из еще неограниченной и незакаленной своей души за чайными разговорами. Бабушкины наставления были похожи на то воздушное пирожное, которое она принесла давно-давно в коричневом игрушечном тазике, сделав внучке двойной подарок – никогда больше не встреченный вкус сладости и вещица для кукол.

А вот книжный шкаф – водораздел между чистой святой водой и замутненным озером, переходящим в болото. В двадцать один год Саша поняла, что нужно приобрести два шкафа – для одежды и для книг. Однажды предзимним ветреным вечером, когда подмигивала лампочка от перепадов напряжения и Анатолий прилепился спиной к печке, Саша, сидя за столом, на котором стояла посредине сковорода подсолнечных семечек, решила задать важный, как ей казалось, вопрос:

– Па, может, давай купим мебель? У меня книг собралось, и вещи по стульям да по углам кучами лежат.

– Тебе надо, ты и покупай, – равнодушно ответил Анатолий, тупо глядя на сковороду.

Дочь не ожидала такое услышать, и это притом, что она выбрала специально этот вечер, редкий в году, когда отец был трезвый. Зря, выходит, надеялась, что подхватят ее умную мысль: улучшить обстановку к возвращению Гоши из Армии. Сашу заело: «Ах, так! Ну и куплю», – решила она.

Денег на обе вещи не хватало, но чтобы одним разом привезти их в автофургоне, Саша попросила займы сто рублей у бабы Мани. Бабушка безрадостно дала деньги, и вроде бы нормально разговаривала, но мысли ее, казалось, ушли в катакомбы и там заблудились.

Через два месяца внучка принесла долг, но баба Маня так же безрадостно отказалась от денег. Саша настаивала на возврате, но бабуля упорствовала. Ситуация по мнению Саши получилась туманная, потому что у помощи должно быть доброе лицо.

И раньше внучка старалась не посещать бабушку с пустыми руками, теперь же объем и качество гостинцев были другими. Баба Маня при виде вкусенького вспыхивала, как спичка, но как спичка и быстро потухала. Для какого-то своего вида задавала она несколько вопросов, а реакция на ответы стала у нее настолько философской, что была похожа на банальное равнодушие: «Ну и ладно... Ну и ничего... Всё бывает...», – и так далее. Она вертела головой, чтобы не смотреть в глаза, барабанила пальцами по столу или раскачивала ногой. Конечно, у Саши возникало желание уйти, чтобы не мешать жаждущему пустоты одиночеству.

– Не знаю, что с ней творится? – удивлялась Валентина, – была человек, как человек, не то, что эта (подразумевалась свекровь).

Постепенно слово мамка – «была у мамки», «обедали с мамкой», – заменилось словом та.

– Представляешь, что та учудила! Прихожу, а она все гобеленовые ткани мои себе в расход пустила: застелила диваны и полы устлала. Экономила, экономила... Лучше бы продала. Говорю ей: мам, оно же чужое, вдруг не будет хватать, я бы этой тканью перекрыла. Ей хоть бы хны. Господи! Навязались на мою голову...

Процесс дичания, начавшийся по подсчетам Саши со шкафа, медленно полз. Как будто в голове у бабушки теперь был преданный, но неисправный хронометр, который отстукивал перекошенные мысли.

– Это, наверное, шизофрения, – говорила Саша брату, который под предлогом занятости не заходил к бабушке, – откуда подозрительность? Мы же ее не обманывали. Принесла ей новые деньги, мама сказала, что сто рублей у нее уж точно есть – три дня назад она ей приносила долг, и баба Маня сидит дома. Говорит – нет никаких денег, мол, откуда им взяться. Но ведь пропадут же! Обмен денег в стране, хорошо мне на фабрике дали зарплату новыми. В сберкассе ажиотаж. Уходи. Нет денег и всё.

Исчезали кое-какие вещи, бабуля не хотела давать толковые ответы, а рассказывала сказочки. Не раз Валентина пожалела, что отнесла матери излишки тканей, которые она боялась хранить дома, но которые могла бы продать знакомым мужа или обменять на деревенские продукты. Если бы приходили воры, то стали бы они уносить метровую куклу в украинском костюме и пригрязненного медведя – Сашины подарки за отличную учебу в первом и во втором классе? Воры бы взяли алюминиевую посуду, продукты, ну и тряпки, какие получше. А насчет пропажи стиральной машины бабушку так занесло в фантазиях, что Валентина несколько дней была под впечатлением:

– Хоть караул кричи, – сделав свои большие карие глаза еще больше, говорила она дочери, – вижу, нет стиралки. Куда делась? Говорит – не знаю. Да как же не знаю, это же не иголка; потом – а я ее выбросила. С какой стати выбрасывать почти новую вещь? И тут она сморозила, мол, пришли братья как-то ночью и забрали. Чего? – говорю, – это один полковник милиции, ветеран войны, у которого пенсия персональная, и другой, пусть победнее, но так еще работает, шабашки делает и также пенсию получает, и они стали бы являться к тебе ночью за стиральной машиной? Ты хоть говори, да не заговаривайся. Взяла меня и выгнала. Вот вредитель.

– Была хорошая бабушка, а теперь «плохишка».

– Во-во, да обидно как! Моя машинка барахлит, а у тебя вообще нету.

Последнее крупное разногласие с бабой Маней получилось у Саши из-за угля. Получая ежегодно бесплатных шесть тонн угля, бабушка скопила угольный запас на несколько лет, и вот решила она отблагодарить Сашу угольным пайком за то, что внучка на протяжении многих лет дважды в год относилла нужные документы в контору общепита. Саша, узнав от матери о благом намерении, не

купила уголь летом по более низкой цене и поджидала подарок. Уже забрезжили холода, но угля не было. Валентина после нескольких дней расспросов узнала о продаже матерью пайка водителю, который привез уголь. Испытывая стыд за корысть матери, Валентина боялась сказать правду Саше, но холода наступали, пришлось выставлять правду, похожую на шкодливого двоечника.

- Да ладно. Куплю сама, - спокойно ответила Саша.

- Ну, слава Богу! Я не знала, как тебе сказать.

- Неужели ты думала, что я побегу, как склочница, и буду ругаться?

Внучка действительно смотрела на ситуацию философски и не подпустила обиду, которая крутилась рядом и кривым ротиком говорила: «Имею право».

Саша лучше бабушки и матери знала сроки подачи документов на получение угля, поэтому по привычке пришла к бабе Мане после смерти Валентины за бумагами, но получила отказ:

- У меня угля много, - заявила бабуля.

- Дело в том, что тебя вычеркнут из списков, подумают, будто ты умерла. Продай опять свой уголь, будут лишние деньги.

- Ничего не надо мне.

Сашу начинала пробирать кислота раздражения изнутри, но она очень старалась быть вежливой:

- Это неразумно. Если дадут уголь, ты жива и, может быть, будешь жить сто лет, то зачем доводить ситуацию до крайности, когда придется доказывать, что ты не медный котелок.

- У меня много угля, а документы я не дам, - убежденно и с улыбочкой юродивого ответила бабушка.

Внучка вцепилась в свою вежливость, а сама отступала к калитке. Какие подыскать слова, чтобы одержал хоть небольшую победу разум?

– Почему? Почему ты не веришь мне? Почему ты отгородилась от своих родственников? Мало ли что может случиться, а ты одна и никто не хочет быть рядом с тобой.

– Что ж, умру – закопаете меня как червячка, – с юродствующим злорадством подытожила баба Маня.

«Так, – думала Саша, – не появлюсь у нее как можно дольше. Слова не помогают, может, действия помогут», – и она не появлялась две недели, планируя продолжить блокаду. Но, убирая за калиткой как-то вечером, она подняла глаза от травы и увидела бабушку с коромыслом на плечах. С начала своего дичания баба Маня ходила за водой только рано утром, чтобы никого не видеть, и чтобы ее никто не видел. Многолюдный осенний вечер: соседки в тяжелых джемперах и расписных махровых халатах подытоживали свои засольные достижения и смаковали патоку нескольких сериалов, которые находили все-таки время смотреть. Яркие голоса детей перебивали пчелиное гудение мамушек и бабушек. Изредка обезьяньи выходки наследников приструнивались, но в целом уличные картины были подчинены штатному погодному расписанию, и движение соседей и их отпрысков прекращалось только с наступлением темноты. Вот в такой пёстрой среде и появилась бабуля, преступив свои придуманные законы.

– Почему ты ко мне не приходишь? – спросила она.

Саша увидела ее глаза, в них было осмысленное отчаяние. Ни злорадства, ни упоения своим экспериментом у внучки не было. Потому что, не смотря на витиеватые взаимоотношения между родственниками и их попытки повлиять на ее отношение к кому-нибудь, в ее душе были места, где всегда теплились неугасимые лампадки.

– Да занята была очень, вот видишь, копаюсь. Сегодня уже поздновато, а завтра приду. Давай помогу, – Саша хотела снять ведро.

– Нет, нет. Мне не тяжело.

Быть может, успокоенная, баба Маня ушла домой. На следующий день была последняя их встреча, та самая с показом сарафана «в елочку». Бабушка сорвала миску помидоров, и как не отнекивалась Саша, навязала их внучке, со словами: «Если не возьмешь – я обижусь».

Светлая ниточка-мысль оборвалась, и по щекам Саши полились теплые слезы. Слезы, которые омыают грязноватый налет и оставляют нужный для памяти образ, в ореоле жалости и любви к родному человеку.

4

Утро принесло необходимую встречу с участковым врачом Рудольфом Федоровичем Пластилиным, которого за глаза называли «Пластилин». Саша была уверена в успешном получении справки о смерти, потому что водила знакомство с «Пластилином». Он не догадывался о Сашином уважении к нему за ее спасение, когда Рудольф Федорович подрабатывал в терапевтическом отделении и дал разгон медперсоналу за медлительность и отсутствие препаратов, которые после скандала нашлись. Потом, в следующее дежурство, встретив спасенную на лестничной клетке, он направил свои выпуклые глаза на Сашу, и стал задавать обычные для врача вопросы несостоявшемуся самоубийце. Она адекватно отвечала ему, но сама сомневалась, что говорит с нормальным человеком. Наверное, дело было в расширенных зрачках, отчего глаза врача ей запомнились черными.

По прошествии десяти лет состоялась встреча с врачом возле амбулатории, он сам затронул ее расспросами о собаке. Рудольф Федорович оказался любителем собак и однажды увидел Сашу с ее сенбернаром. Она заметила, что цвет глаз у доктора серый, а из-за их выпуклости на нее смотрели глаза морского окуня. На ту, далекую спасенную, Саша не была похожа, потому что срезала химические кудри и утратила детскую пухлость щек. Напоминать случай из его практики ей не хотелось по глупой причине женской заносчивости. Дескать, не помнит мужчина женщину, неважно даже: врач – пациентку, зачем ей «женщине» ему «мужчине» напоминать? Работал он раньше в поликлинике другого района, так что, позабыв имя и фамилию больной, он заинтересовался красавцем-псом. На принесенные к праздникам торты, которыми Саша заполняла брешь несостоявшейся благодарности от родителей за ее спасение, Пластилин смотрел без радости. Ей казалось – что-нибудь другое, может даже колбасу, ему было бы приятнее видеть. Но колбасу не видела сама Саша, а праздничные ажиотажи за

тортами наблюдала на хлебокомбинате; вот и воплощала на деле давнюю фразу родителей: «Надо бы врача отблагодарить, да где его искать?»

- Рудольф Федорович, умерла бабушка, дайте справку о смерти.

- Та, которую я осматривал?

- Не, другая, которая одна жила.

- Я не могу дать справку.

- Но почему?

- Потому, что я ее в глаза не видел, и карточки у нее нет. Когда она была последний раз в амбулатории?

- Карточка должна быть, бабушка лет в пятьдесят ломала руку и брала больничный, я хорошо помню.

- Когда это было.

- Ну Рудольф Федорович, ну пожалуйста, какая теперь разница? Я милицию вызывала, они сказали к участковому врачу идти за справкой.

- Они сказали - они сказали. Вдруг смерть насильственная, а мне отвечать?

- Да что вы такое говорите? Честное слово, естественная и, возможно, быстрая смерть. Она на диване лежит в своем парадном костюме.

- У меня был случай, когда вот так уговорили, а на деле - задушили человека подушкой. Знаешь, как мне досталось?

- Рудольф Федорович, я заплачу?, - еле удерживала Саша, ставшую скользкой, надежду, - сколько скажете, и осмотр можно сделать, машина есть.

- Не-е-е-т. Если бы эта умерла, которую я видел, тогда другое дело. А так не проси, не теряй зря время, везите в морг.

Всего год назад Пластилин приходил по вызову Саши для осмотра обеих старух. Заботливое правительство придумало утешение для граждан - раздать каждому по ваучеру: «Вот крошка от пирога - хочешь, съешь, хочешь, продай или закопай, только потом не жалуйся, что тебя только обдирают». Саша подумала: «С поганой овцы хоть шерсти клок», разъяснила всё Нюсе и, несмотря на очень преклонный возраст, Нюся согласилась с внучкой тоже вырвать клок от поганой овцы.

- Вот бэда?, нэ дойду и ба?чу плохо.

- Ба, я врача на дом вызову, он даст справку, что ты сама не можешь идти получать; так можно, я узнавала.

- О як хорошо, - обрадовалась Нюся, - хоть пилюль яки?х вы?пыше, та послу?хае.

Уговорить бабу Маню не удалось.

- Всем дают, каждому человеку, это доля от богатств страны, - распиналась Саша.

- Мне ничего не надо, - испугалась бабуля.

- Ба, да ты не бойся, пользы большой от этой идеи, конечно, не будет, но и если дают - чего ж не взять?

- Ну да, а потом плати за эту бумажку всю жизнь.

- Не хочешь сама идти, я вызову врача.

- Что ты! Какой врач, не нужно никаких врачей.

Саше удалось получить ваучер и на бабу Маню - подделала подпись на доверенности, и всё сошло. Ближе к Новому году предприимчивая внучка свезла три ваучера в Ростов и продала их там в два раза дороже, чем за них давали в

Шахтах. Анатолий неизвестно куда подевал спьяну свой ваучер, а Гоша сказал, что эту бумажку он оставит себе на память о «доброте родного государства». Сестра считала подобный поступок еще более неразумным, чем ее собственный, но брата сбить с намеченного им пути, она знала, было невозможно. Вырученные деньги почти все ушли на еду к празднику. Не ведающая баба Маня вспыхивала не спичкой, а бенгальским огнем при виде солидных гостинцев.

Отказ врача уперся в несостоявшийся визит, и Саша, досадуя, вспомнила:

- Ну, где вторая бабулька?

- Совсем близко живет... Только она не хочет, чтобы вы ее посещали.

- Не съем же я ее.

- У нее... м-м-м... непростой характер.

- Странно, - и Пластилин выпрямил спину, как униженный белогвардеец.

Гоша искал грузовик для перевозки покойницы до трех часов дня, потому что никто не хотел пачкать машины. Шофер заломил такую сумму, что Саша чуть не подпрыгнула, когда услышала. Но сложнее, оказалось, найти грузчиков: младшие братья бабы Мани отгородились старческой немощью и народным поверьем - нельзя близким нести покойника. Простую и нужную работу выполнили кладбищенские отчаянные землекопы. Они тоже не постеснялись хорошенько «сдернуть», но деваться было некуда, тем более могилокопатели, еще не имея на руках нужных бумаг, подыскали место и начали рыть могилу. После общения с ними Гоша протер бензином руки, дверные замки и подлокотники в своей машине.

Когда увезли в морг бабу Маню, Саша взгромоздила двухведерную кастрюлю на электроплитку у себя в коридоре, чтобы сварить компот, и занялась разделкой мяса. Когда первый кухонный этап был закончен - компот стыл, бульон на костях млел на краю печи в доме, и кусочки мяса полуготовые лежали в широкой низкой кастрюле, Саша ушла дезинфицировать бабы Манин дом.

– Может, тебе помочь? – спросил Гоша.

– Я сама. Ты видишь, как я снарядилась? – она была в резиновых сапогах, старом клеенчатом плаще и в перчатках.

Всего-навсего нужно вытащить диван, и что там на нем было, и залить весь пол раствором хлорки. Во дворе выросла куча из двух подушек, одеяла и нескольких тряпок. Старый диван, обитый дерматином, Саша решила разделить на составляющие для облегчения выноса, и когда она подняла сиденье, то заметила прибитый гвоздиками к раме мешочек. В мешочке была стопка двадцати пяти рублевых денег.

Вечер принес дурную погоду, и верившей в приметы внучке казалось, что недовольная душа умершей добралась до той клетки, где сидел порывистый пугающий ветер, и открыла засов. Небо, державшее несколько дней круто-подсиненный цвет, стало темно-пепельным, иногда трескаясь молнией. Саше было жутковато. «Как зависит настроение человека от погоды, – думала она, – будь сейчас солнечно, не возникло бы никаких страхов; но ничего, меня все считают смелым человеком, не буду никого разочаровывать».

– Кто там? – раздался голос соседки Нади Молостихи, в нем присутствовали нотки напускной суровости: мол, не дремлем и не позволим безнаказанно шастать ворам.

– Это я, – Саша вышла на порог, чтобы предъявить себя разделанной штакетинами соседке, нос которой сапожком торчал между досками.

– А куда ты будешь девать подушки?

– Сожгу.

– Ой! Можно я их заберу?

– Берите, только они никуда не годятся, их в самом деле только сжечь.

– Нет-нет, не надо. Какие шикарные у Марии были подушки, – Молостиха уже во дворе, ничуть не брезгуя, извлекает их из кучи и обводит двор искренним

восторженным взором, – а земля, как пушинка: ни одного сорняка в огороде. Вы продавать будете? Или как?

– Конечно, продавать.

– И документы в порядке?

– Да. Завещание, правда, на маму, но оно не в счет – она же раньше умерла.

– У меня мечта: купить этот домик внучке, и будет она у меня под боком. Ты пока не объявляй о продаже, я поговорю с дочкой и зятем – и, наверное, возьмем у тебя хатку.

Из-за сильного ветра Саша не стала жечь тряпки и диван, облила пол хлоркой, оставила открытыми форточки и, прихватив мешочек, ушла домой.

Денег было около пяти тысяч.

– Вот, клад нашла, – умытая и в нормальной одежде она вошла к Гоше, держа двумя пальцами источающий нехороший душок мешочек.

Гоша и двоюродный брат Олег сидели на диване, и как бы тренируя себя повторением пройденного материала, говорили о машинах и их технических характеристиках. Саша считала меланхоличные беседы своих братьев о двигателе внутреннего сгорания более достойной забавой, чем сальные анекдоты или похабщина о женщинах.

Олежек – только так его звала мать Саши, вскоре после рождения оказался на попечительстве Валентины и Нюси, потому что его родители были студентами. Раннее детство Олежека прошло в доме Нюси, а когда молодому специалисту Георгию, второму Нюсиному сыну, дали квартиру, Олежек все каникулы проводил с Гошей и Сашей. Это была дружба-кристалл. Прочная, прозрачная и красивая, с емким ожиданием встречи и горчичным прощанием, с детской копеечной кассой от каникул до каникул, чтобы к приезду Олежка обязательно купить побольше лимонада, рыбных консервов в томате и пирожных.

Сегодня Олег Георгиевич с майорскими погонами, заместитель начальника вневедомственной охраны приехал поддержать своих родственников. «Пусть соблезнование было сухим и маленьким, как затерявшийся в страницах давно нечитанной книги лист дерева, пусть нескончаемые разговоры об автопроме отечественном и зарубежном, всё равно хорошо, что Гоша не один сидит с мыслями о предстоящих похоронах – молодец Олежек», – отметила Саша.

На ее находку брат смотрел, как на мелкую рану, чуть скривившись, и сестра была уверена, что мысли их об этих деньгах совпадали: «Не съела, не сносила, копила, а толку?» Уже три месяца, как такие деньги изъяли из оборота, и буквально несколько дней назад истекли сроки обмена.

– Туалет обклей, – посоветовал Олег со сквозной улыбкой на лице.

Олег имел семью – жену Светлану и сынишку, и уже этим отличался от своих двоюродных брата и сестры. Но главное его отличие заключалось в повзрослении – в этом естественном процессе, и не в должности дело. Стань он сварщиком или водопроводчиком, и тогда пробились бы черты мудрости и здравомыслия. Именно эти черты ценил в брате Гоша.

– Наш Олег во всём делает правильные выводы, – часто и с гордостью говорил Гоша, который сам, пропуская через свои руки иногда солидные суммы, и не имея финансовой поддержки от родителей, сохранил какую-то детскую романтику. И она во всем проступала, как старое пятно на ткани.

Саше был ближе прежний Олег – забияка, непоседа, немногословный юморист, и она тосковала по далекому образу, потому что его не вернуть, как детство и юность.

– Пойду, дел по горло.

– Затягла ты обед... – сокрушался Гоша, – можно было бы в кафе заказать, как в прошлом году.

– На похоронах мамы больше было людей, да и не до обеда мне было. Ничего, на двадцать-тридцать человек – осилю, – Саша сошла с братова порога.

Мимо проходил отец с заложенными в карманы руками, было понятно, что он возвращается из туалета. «Чего же немытые руки совать в карманы», – дернулся поплачком вопрос у брезгливой Саши.

– Днем ездил в гараж, сказал, что умерла теща, дадут автобус, – с какой-то пархатой важностью заявил Анатолий. – Приехал, а тут Жора мне вина привез: «Вот, брат, тебе шампанское». Чё-то от этого шампанского живот хватать.

– Руки мыть надо чаще, – сказала, как нитку оборвала, Саша.

Гора капустной соломки помещена в эмалированный таз, морковные и свекольные соломки – по мискам, в холодильнике теснились пакеты нарезок колбасы и сыра. Саша устало перемещалась по комнате, за вечер ставшей похожей на столовскую подсобку: на подоконниках заняли место стопы тарелок, стаканы, рюмки, ложки, на небольшом столике и тумбочке красовались вазы, посверкивая конфетными обертками, как кошачьи глаза ночью. Тазы, выстланные полотенцами – один с пирожками, второй с нарезанным хлебом пришлось поставить на пол.

«Что еще? – вяло, спросила сама себя Саша. – А-а-а, салфетки, солонки...», – она присела на стул и стала мудрить, как покрасивее вставить салфетки в высокие стаканы.

Традицию поминок она не понимала: если умер дорогой тебе человек, то мыслей о еде не может возникать, а если человек тебе так-сяк, то важно проститься с ним, и опять же причем еда? Вот народная пошлость – обед после вида и запаха покойника.

5

День похорон начался нехорошо. Примчался дед Валентин и выпалил:

– Маню ограбили!

Саша сразу сумела широко раскрыть глаза, до этого момента неподдающиеся от недосыпаний.

– Ограбили? – переспросила она.

– В землянке вывернули замок.

– Проклятые карьерцы! Прознали, что баба Маня умерла и быстрее воровать... – негодовала на ходу Саша.

При осмотре не обнаружили самовара и кое-каких кастрюль, исчезла картошка, лук и несколько банок с крупами и топленым маргарином. Дед принялся чинить дверь, Саша с чувствами, оскверненными грязным мародерством, ушла ставить столы.

Она собиралась провести поминки на улице. Страшный ветер утихомирился вскоре после дезинфекции, и погода снова решила стать ласковой. Пришла бабы Манина родня. Саша «с комфортом» устроила родственников на автобусный диван и кресла, когда-то привезенные из гаража отцом, на улице недалеко от столов. Братья с женами, сестра из Ростова со свахой и дочерью Ниной, конечно, Кира – соседка деда Валентина, кряхтя, уселись на списанную автобусную мебель. Одевшиеся потеплее, они были похожи на пингвинов. Нюся, не любившая Сашину мать и недолюбливающая умершую сваху Маню, очень уважала всех их родственников и была всегда им рада. Поговорили о пользе внезапной смерти. Почти каждый пожаловался на свое здоровье, а Нина рассказала недавний сон, как она увидела веселую тетю Машу, продававшую какие-то вещи на базаре.

Анатолий подждал за калиткой, которую раскрыли настежь, автобус, и Саша заметила, как к нему подошел Тарзан. Глядя на Тарзана, возникал вопрос: а был ли он когда-нибудь нормальным человеком? Алкоголик, неряха, с нечесаными, пышными, наполовину седыми волосами, в которых, говорят, водились вши, спрашивал что-то у Анатолия. «Т-а-а-а-к, карьерская разведка», – подумала она и подошла к калитке.

– Саш, ты сварила борщ? – мягко и в то же время нагло спросил Анатолий.

– Сейчас, разорвусь пополам, – начала тоном, не нацеленным на добро, дочь. – Только картошка закипает, – она так посмотрела на Тарзана, что он стал потихоньку отступать.

- Шо там такое? – спросила Нюся у вернувшейся внучки.

- Тарзан уже явился, борща захотел.

- Господи, какие люди наглые, еще не схоронили, а они уже за борщом идут. А кто он этот Тарзан? – вмешалась сестра покойницы Анна.

- Тю! Да алкаш. В карьере, прямо на спуске живеть. Как раз через тропинку Манин сосед был, – уточнила Кира.

- Мы сейчас шли мимо и решили зайти на Манино подворье, заглянула я в карьер, боже мой – не узнать, одни руины. А Вера глухая живая? – поинтересовалась Анна у Нюси.

- Жива...

- А Таня цыганка?

- Давно умэ?рла.

- А сын ее Вовка?

- Той ще ра?ньче умэ?р.

- Кто же в хате ее теперь? У нее и кухня хорошая, и вода проведена.

- Яки?сь цыгане. У их девочка – калечка, у го?роди побырается, уто? за нэ?ю и живут.

Чтобы подвести итог карьерской теме, Саша напомнила вчерашний день:

- Вынести бабу Маню было некому. Ни одна гадюка не выползла. Не знали – не ведали. Однако ночью за этой несчастной картошкой пришли, а теперь борщом интересуются. Жрите, что украли, – и, глядя на проходящего мимо отца, она пригрозила:

– Чтобы ни одной рожи из карьера не было!

– Ну хватить, хватить... Успокойся, – ласково сказала добрая баба Аня из Ростова.

Вскоре подъехал автобус, все встали и медленно пошли к нему.

– Сашенька, а Маню привезем проститься с домом? – полюбопытствовала баба Аня.

– Да какое уж прощание? Нельзя ее трясти, быстрее бы похоронить.

Из соседей в автобус сел только Валек в измятом костюме и в пожмаканной белой рубашке. Уехали.

Саша закрыла калитку и поспешила в свой коридор доваривать борщ. Нюся сидела на диване нахохлившись, опираясь на свою алюминиевую трость. Пришла Ольга, в фартуке и с ножом:

– Может нарезку сделать?

– О-ля, всё давно нарезано, – любовно ёрничая, пропела подруга, давай начнем ставить тарелки, вазочки, а когда приедут, поможешь подавать горячее.

Гоша с утра метался от морга к кладбищу. На кладбище требовали свидетельство о смерти. Морговский санитар – вежливый парень с глазами маньяка, просил подождать судмедэксперта. Гоша засел в машину, поднял окно, потому что ветерок подхватывал воздух из вытяжки и разбавлял им осенний зефир в приличном квадрате. Здание морга входило в комплекс построек городской больницы. Прямо в центре стояло, да только мало было проложено мимо него тропинок; весь больничный двор ими изрезан, а к моргу только одна асфальтовая дорога. Не встретишь в округе ни санитарку с ведром, ни гуляющих больных. Но вот скачут каблучковыми походками несколько практиканток из медучилища, смеясь чему-то своему. Они смело заходят в помещение, но через секунду с визгом, фуканьем, и, отплевываясь, выбегают на улицу. Запах.

Подъехал темно-зеленый фольксваген с надутым, как у бройлера задом, из него вышел аккуратный мужчина и повернул за угол морга, где была дверь с

табличкой «судмедэксперт». Вскоре выглянул санитар, кивком указывая, что надо идти за угол.

– Вы хотите забирать? – прикрывая традиционное бюрократство деловитостью, спросил доктор.

– Да. Уже с минуты на минуту приедет катафалк.

– Из лаборатории еще нет данных, – доктор склонил голову в притворном сочувствии.

– Я понимаю, но мы не можем больше ждать. Нельзя ли ускорить дело? Я заплачу’.

После магии последнего слова, доктор снял трубку телефона и подбавил душевности в тон. На его бодрую просьбу что-то промяукали в ответ.

– Минутку, – сказал он, вынул из сейфа бланк, быстро написал что следует, артистично заверил его и любезно поднес Гоше.

– Что я вам должен?

– Три тысячи, – уверяя глазами, что это совсем пустяковая сумма, сказал судмед.

Но путь Гоши к захоронению бабушки готовил еще одно мелкое препятствие. Уже и автобус прибыл с родственниками, и подъехал катафалк с гробом, и санитар, указав жестом в угол, где лежало тело, мягко скомандовал: «Забирайте», – выяснилось, что выносить и укладывать в гроб покойницу было некому. Пообещав накинуть за лишнее ожидание водителю катафалка, со словами: «Ждите, я скоро вернусь», Гоша рванул на кладбище. Ему повезло, что могильщики крутились рядом с кладбищенской конторой. На старенький перекошенный порог вышла бухгалтерша, увидев в окно подъехавшую машину. Она была проста, крепка и весела, как будто работала в кондитерском цехе, а не на кладбище.

– Привез свидетельство? – обращаясь как к старому другу, спросила она у Гоши.

- Привез. Тут еще одно дело к мужикам.

- Договаривайся, – подавляя зевоту, пропела она.

- Да за ради Бога. Прибавляй каждому по две штуки, и всё будет «о?кей», – запросто сказал старший над могильщиками, – сразу же забьем?

- Что? А-а-а-а, ну да...

Старший сунул молоток и горсть гвоздей в карман фуфайки.

Родственники уныло смотрели из окон автобуса, и каждому ожидание Гоши показалось дольше, чем оно было. Один Анатолий не заметил, как вернулся сын, потому что разговорился с водителем.

К телу бабы Мани не прикоснулась рука ни санитаря, ни лаборанта, ни еще кого бы то ни было. Могильщики подхватили покрывало, в котором они вчера принесли и положили в угол морга бабулю, и на котором остались вчерашние складки. Не отделяя бывшую хозяйку от ее покрывала, опустили их в выстланный клеенкой гроб, и старший землекоп красивым движением извлек молоток из кармана.

- Сестрица, родненькая, что ж ты уходишь от нас, – говорила, как песню пела, Анна, – и не было никого рядышком, и мы ничего не знали. Уходишь к своей Валечке. Вместе будете нас ждать...

- Я на очереди. Скоро и меня туда же, – высказался средний брат Федор.

Все остальные молчали, и могильщики приладили крышку. В катафалк внесли единственный венок от внуков, три букета осенних цветов от родственников, поставили гроб и помогли взобраться Анне. Процессия тронулась.

Земле предали быстро. Из слов было произнесено только два: «прости» и «прощай».

Могильщики, в предвкушении хорошей расплаты налегли на лопаты. Гоша решил быстрее автобуса приехать домой, чтобы узнать, всё ли там готово. Но, увидев его машину, бухгалтерша призывно замахала рукой и сошла со своего ветхого порога. «Что еще?» – напряженно подумал Гоша.

– Слушай, – смотря лисой и растягивая слово, сказала она, – а помянуть бабушку? Привези чего-нибудь «выпить-закусить».

– Ла-дно, – в тон ей протянул Гоша.

Обед был готов, Саша с Ольгой устраивали рукомойник для тех, кто приедет с кладбища.

– Ну всё, похоронили бабу Маню, – брат подал Саше свидетельство о смерти.

– Хм... Зачем было затевать всю эту проволочку? Оля, посмотри, что они написали.

Ольга прочла: «Причина смерти неустановленна ввиду гнилостного распада».

– Так они даже не подходили к ней. Как всегда поиздевались над мертвой и над живыми. Подлое государство!

– Гоша, ты бы поел, – предложила Ольга, она очень ценила брата подруги.

– Я не знаю, когда теперь есть смогу. Да, Саш, собери чего-нибудь для кладбищенских.

– Ты же вчера им возил.

– Это в контору. Бухгалтерша попросила.

– Ы-их! – какой-то вздох попутный, но за ним мысли: «Ведь заплатили же вчера, и не мало. Сколько можно харлатать? Как не стыдно быть дешевкой и крохоборкой», – однако Саша пошла собирать пакет.

К родственникам, которые вернулись с кладбища, добавились соседи, они поленились ехать на кладбище, но помянуть Маню считали святым долгом. Все скамьи и стулья заняли за столом. Крестные отцы внуков: почтенный старик Владимир Иванович – Гошин, и более мелкий, с перекошенным лицом после инсульта – Сашин; их вдовы соседки предпенсионного возраста; Митя, которого все звали Микой – недавно прижившийся на улице, имеющий четыре судимости за карманные кражи; Настя Балаболиха – беспардонная пожилая женщина, большая любительница выпить; чета Плахтюковых, – взяли в руки ложки.

– Царствие небесное, – крестясь, сказала набожная Люба Плахтючиха и зачерпнула кутью.

Саша наполняла последние тарелки вторым блюдом, когда сновавшая между столами и коридором Ольга спросила:

– Что за картины были у бабы Мани?

– Натюрморт и пейзаж, написанные маслом. А что?

– Я так удивилась, когда сваха бабы Ани сказала, что она хочет забрать картины на память.

– Пускай берет. Их покойный муж бабы Ани написал, – и, зная мечту Ольги иметь какую-нибудь картину, добавила, – они бы тебе не понравились.

Последние тарелки Саша сама понесла, чтобы, наконец, освободившись, побыть с родственниками. Она решила не говорить о найденных деньгах, потому что славы покойнице это бы не прибавило. Но если бы деньги были хорошие, она бы их отдала Гоше и всё равно никому не сказала бы об этом.

– Саша, можно я заберу шкаф для внучек? – спросила жена Фёдора, Лида.

– Каво?? Шифонэ?р мой! – безапелляционно объявил дед Валентин.

– У вас есть. На что вам еще? – возмутилась Лида.

– То будеть Клавын, а этот мой.

– Ну беры, ни детей – ни плетей. В могилу с собой положишь, – было видно, что Лида расстроилась донельзя.

Саше хотелось бы шкаф отдать бабе Лиде, но дед Валентин объявил, что прямо сейчас пойдет за тележкой. Куда ж устоять под таким напором.

– А я одёжу заберу, – сказала баба Аня.

«Хорошо, – подумала Саша, – избавлюсь от этой горы под навесом».

Жадность и небрезгливость родни имели происхождение из детства – так думалось Саше. Дети тянут любую грязь в рот, ссорятся из-за игрушек и всяких пустяков, настырничают. Она почувствовала себя Гулливером в стране лилипутов, умилилась этому сравнению, и опять ее внутренняя свобода преобразилась – воздушный шарик, маленький, не раздутый до своих возможных размеров поблескивал.

– А вы землю взяли? – обратилась Саша к бабе Ане.

– Саша! Миленькая! Забыли.

«Ну, вот, дети неразумные», – сказала сама себе Саша и снова обвела всех с высоты Гулливерского роста.

Валек, тихо наклюкавшийся, оторвал голову от края стола, еле раскрыл мутные глаза и козлиным голосом, которым он всегда говорил, когда напивался, проблеял:

– Т-т-а-а-а-м-м, – и указал скрюченной посиневшей кистью руки в сторону навеса.

Саша просмотрела каждый сантиметр, но нигде ничего похожего на кладбищенскую землю не было. Периодически, она подходила к полусонному соседу, трогала его за плечо и проводила дознание:

– Васильевич, в чем была земля?

– В г-а-а-зете, в к-а-а-а-рмане привез.

Валек гримасничал – растягивал рот в улыбке, хмурил брови, ставил их домиком, как у Пьеро, как-то весь корёжился и привлекал к себе озабоченное внимание. Сердобольная баба Аня уговаривала его поесть, он мычал и, глядя на тарелку с борщом, покрытым оранжевой коркой жира, шипел, выпуская пузыри слюны.

6

По традиции на следующее утро после похорон нужно нести на могилу поминальный завтрак. И хоть души внуков бабы Мани кривились от любых ритуалов, они поехали на кладбище, заодно, Саша собиралась взять горсть земли для церковного отпевания. Холмик свежей глины с венком «от внуков» и тремя букетами осенних цветов был расположен в конце кладбища. «Далеко от мамы», – с сожалением подумала Саша. Она хорошенько огляделась, выискивая приметы, чтобы в дальнейшем не путаться в поисках. Легче всего было ориентироваться по абрикосовым деревьям, посаженным в ряд от одной лесополосы до другой. Вороны, нахально сидящие на крестах и памятниках совсем близко, предвкушали поживу, но Саша, глядя на их крупные тела, решила отдать еду первому встречному. Встреченных было двое – пожилые мужчина и женщина медленно шли, разглядывая памятники. Женщина приняла сверток из рук Саши и перекрестилась, спросив прежде имя умершей.

Гоша привез сестру к церкви, а сам уехал в свой магазин. В церкви шла служба. Немногочисленные прихожане сосредоточенно внимали батюшке. Саша на цыпочках подошла к прилавку, где продавались иконки и крестики, и купила пять свечей.

– Обязательно поставьте себе «за здравие», – порекомендовала довольно молодая служка.

«Стыдно вато себе заказывать здоровья. Это должен кто-нибудь другой попросить за меня. Бог сам знает, чего я стою», – подумала Саша. Одну свечу, она воткнула в узелок с землей и поставила его на поминальный стол. Еще одну она зажгла в память о матери, а три остальные поставила перед иконами

Спасителя, Божьей Матери и Николая Угодника.

Саша не понимала, насколько глубока ее вера, но, посмотрев на иконы, представив мучения Христа и услышав певчих, она бросилась в омут совести, который, казалось, не имел дна. Слезы бежали по лицу и скатывались на воротник черной водолазки. Остановить их – она знала – не сможет, как нельзя изменить свои прошлые поступки. Старушки заметили ее горе и не стали шипеть за непокрытую голову.

Узелок с землей нужно было отнести обратно на кладбище. Теперь, уж никуда не спеша, Саша проведала могилки матери и деда Тимофея – мужа бабы Нюси. Ноги так устали, что чувствовался любой мелкий камешек через подошвы туфель. «Приду домой и завалюсь спать», – мечтала умиротворенная Саша, бредя к автобусной остановке.

– Па-ра-зит, – словно раскачивая слово на качелях и выползая из резко растворенной двери, так, что чуть не зашибла Сашу, сказала Нюся.

«Опять нелады», – подумала внучка, вздохнула и остановилась.

– Уже яку?сь бабу приволо?к.

В природе все стихии зреют постепенно: вулкан долго копит силы, чтобы потом в одно мгновение извергнуть лаву; где-то на просторах рождаются ураганы и гонят разрушительные волны океанов; Саша вошла в дом к отцу не из бестактности, а из-за накопленного негодования.

Она услышала какой-то шорох в боковой зашторенной комнатке, и тут же вышел отец. Он с петушиным вызовом смотрел на дочь.

– Ты что нам в душу плюешь? – сверля глазами отца, спросила она.

– Я вас не трогаю, – бросил, как лозунг, он.

– Моральное издевательство не в счет, по-твоему?

Вышла женщина лет сорока пяти, в черной колоколом юбке и ростом вровень с отцом, посмотрела на него вопросительно.

- Толик, что это такое?

- Уходите! И как можно скорее, - приказала ей Саша.

- Сейчас же извинись, - потребовал отец.

- Извинений не будет, - с ровным гневом сказала дочь. - У нас траур, и нечего в такой момент шастать по чужим домам.

- За что она так со мной, Толя? - всхлипнула женщина и схватила сумочку.

- За то, что нужно думать сначала, а потом уже делать, - и Саша пошла к выходу.

- Я с тобой разберусь, - пригрозил ей вслед отец.

- Ты с собой разберись.

Досада засосала умиротворенность и мысли об отдыхе. Накормив Нюсю, Саша тупо выслушивала бурчание бабушки, складировав воспоминания о похождениях отца на пыльную полку с названием «скука».

Любовные авантюры Анатолия уже год донимали домочадцев. На второй день после похорон жены он сделал безобидное предложение двоюродной сестре Валентины, когда поджидали южный поезд для отъезда сестры. Услышав, как отец уговаривает тетю остаться, Саша расценила это как заботу о бедной родственнице, которая приходилась ей крестной матерью. К счастью, подошедший поезд унес эту бредовую идею вместе с крестной.

«Неужели он имел на нее какие-то виды? - задумалась Саша, - она моя крестная, а ему кума и вдова его младшего родного брата».

Крестная для Саши в детстве была человеком, который вызывал жажду видеть его, увидев – не отпускать от себя, а, расставаясь – мечтать снова увидеть. Крестная вышла замуж гораздо позже сестры, часто бывала в доме удачливой, как всем казалось, Валентины, и познакомилась с Виктором – младшим братом Анатолия. Какие-то чувства возникли, но Виктор неожиданно женился на другой. Маленькая Саша, не понимая любовных терзаний, заметила только, что крестная стала худеть и блекнуть, и уже нельзя было хвастать фотографиями, на которых красавица превратилась в вымученную женщину. Наконец, она тоже вышла замуж и родила двоих детей. Потом, все-таки развелась с непутевым мужем. Приехав к родственникам с младшим сыном еще до замужества Саши, бывшие влюбленные увиделись. Виктор тогда жил в теперешнем Сашином флигеле. Из «многоженца» любовь к вину сделала его одиноким человеком. После отъезда гости он немного воспрял, иногда показывал письма от крестной и даже спрашивал у Саши совета – не переехать ли ему к ней.

– Не повтори прошлых ошибок, – предупредила племянница, искренне желая двоюродной тете по матери и родному дяде по отцу семейной идиллии.

Виктор, как и всегда с ним случалось, начал хорошо на новом месте. Подремонтировал кое-что в квартирке крестной, устроился снабженцем во всесоюзный пионерский лагерь «Орленок», и расписался с очередной женой. Но пристрастие к вину и вздорность после его употребления уничтожили мир и покой в новой семье. Нашли его на берегу горной речушки мертвого с недопитой бутылкой водки.

Валентина, Саша и Георгий опасались, что старая Нюся не перенесет смерть своего любимчика, младшенького. Однако Нюся выдержала. Ровесница века, пережила раскулачивание родителей, а потом их голодную смерть на чужбине, бомбежки и лишения отечественной войны, послевоенную нелепую смерть старшего сына, куски которого от взрыва найденного им авиационного снаряда, собирала по всему полю, она и в этот раз покорила суровой неизбежности.

Анатолий забыл о сестре Валентины раньше, чем она ступила на перрон своего Туапсе. Потому что прямо в этот же вечер он подходил к двум вдовым соседкам предпенсионного возраста присвататься. Соседки хоть и были немного польщены, но сказали, как отрезали, что возиться с мужем они отвыкли.

«Наверное, это шутка», – подумала Саша о сватовстве, и с рвением заботилась об осиротевшем отце. Каждое утро наглаживала ему брюки и рубашку, разнообразила готовку, в то время как себе самой было некогда постирать единственное платье, благо, то было не маркой расцветки. Заботу Анатолий не только не ценил, но даже придирался без повода.

– Валя лу?че готовила, – говорил он Нюсе.

– Н-е-е-е. Саша лу?че, – спорила Нюся.

Поехав в Ростов в числе делегатов от мебельной фабрики на конференцию, дочь выискала в универмаге две рубашки благородных серых тонов в редкую полоску, и надеялась обрадовать отца.

– Тюремные, – с раздражением заметил он и небрежно швырнул на стул. А на замечание, что нужно переодеваться, когда работаешь во дворе, отец истерически заявил:

– Я сам буду себе стирать.

Саша знала, что это фарс, поэтому утром принялась чистить его костюм и гладить свежую рубашку, только делала это без души. Мостики, связывающие ее с отцом, каждый день расшатывались и редели, возвещая о том, как река неприязни совсем разделит их на два берега – крутой левый и равнинный правый.

– Батько жэ?нэтся! – с холерическим выражением лица сообщила Нюся на двадцатый день после похорон Валентины.

– Не рано ли? Не зря мне приснилась крупная сучка в нашем дворе, – не удивилась Саша, так как доверяла своим снам, однако, за уточнением отправилась к отцу. Тот еще лежал под одеялом, но не спал, а как показалось ей, пребывал в мечтательном настроении.

– Ты собираешься жениться?

– Ну да.

– Когда была жива мама, у нас случился доверительный разговор, она, наверное, предчувствовала свою смерть; так вот, – после паузы, Саша продолжила, – я дала ей слово, что в этом дворе не будет жить какая-то там новая жена, а моя мачеха. Обещания свои я привыкла выполнять, – она вдруг почувствовала, как не в силах удерживать гнев, и он дуется и торчит, будто свитер из чемодана, – и потом, еще не было сорока дней. Где же приличия?

– Сорок дней отметим, а после я постараюсь всё устроить так, чтобы вас с Гошей не обидеть.

Анатолий, помимо сжигания старого бурьяна, когда разозлился на дочь за совет переодеваться, еще для дома привез машину чернозема и два мешка капусты. Когда разворачивался грузовик с черноземом, то нечаянно повредил угольный сарай Насти Балаболихи. Хорошо, что хозяйка считала главным предначертанием в своей жизни приятно провести время в компании собутыльников. Анатолий загладил трещины на стенах сарая раствором, а сердце Насти смягчил бутылкой водки, которую они вместе и распили под обширным кустом сирени Балаболихиного палисадника. Капусту Саша с Ольгой порезали на засолку – но, доверяясь подруге-повару, Саша поняла, что они переборщили с солью, и капуста не удалась. Сорок дней Валентине отметили достойно – в кафе, Анатолий принимал большое участие, однако, на этом список его добрых дел для семьи закончился. Теперь он занялся строительством личного счастья.

Даже не глянул Анатолий на двух промежуточных невест, со слов дальних родственников, женщин степенных, со своими домами, с взрослыми, отдельно живущими детьми. Но они выдвинули одно требование: чтобы супруг был непьющий или малопьющий.

– Пил, пью, и пить буду, – просил передать он невестам.

Получается, Нина Михайловна Багрянницкая, главный бухгалтер фрунзенского продовольственного магазина приснилась Саше в образе собаки, пришедшей во двор. Познакомила Анатолия с бухгалтершей свояченица Михалыча Галя – продавщица, преследуя две цели: выдобриться перед начальницей, и чтобы

хороший мужик не пропадал. Она расхвалила на все лады Анатолия, и бухгалтерша, учитывая, что Михалыч не будет дружить абы с кем, рискнула на знакомство.

Саша изредка видела эту женщину в магазине. С узкой костью и довольно сухая, она всегда держалась так строго, что казалась суровым человеком, а ее лицо с правильными чертами, было ощущение, не знало улыбки.

Учитывая желание отца обязательно жениться, дочь ничего не имела против Нины Михайловны, потому что была уверена – жить к ним она не пойдет, а у отца будет хоть какая-то цель в жизни. Саша не испытывала ревности к подаркам, которыми отец задабривал свою пассию и ее дочь – студентку, тогда как собственную дочь он на протяжении нескольких лет забывал поздравлять с днем рождения. К негоднованию Нюси, он отдал ножную швейную машинку родственнику Нины Михайловны.

– Сашок, давай втя?нэм до тэ?бэ ма?тэрину машинку.

– Ба, пусть отдает.

– Ну як жэ пусть?

Переругавшись с Нюсей дома, Анатолий пришел по ее следам к Саше.

– Мать сказала, что тебе нужна машинка.

– Не нужна, – с театральным восторгом ответила дочь.

– Я эту машинку покупал...

– Конечно, ты. Ты и эту покупал, – Саша указала на шкаф, где стояла старенькая подольская машинка, которую Валентина подарила ей еще в пятом классе, – маминого ничего не было, всё только твое. Так что забирай.

Оскорбленный непониманием, он пошел за родственником Нины Михайловны и вместе они увезли машинку.

Саша много потворствовала отношениям отца с бухгалтершей. Не раз уговаривала его не увлекаться выпивкой и следить за своей внешностью. Поначалу у родителя все складывалось неплохо. Он даже ходил кормить кур и работал в саду, пока Нина Михайловна гостила у родни на Украине. Сашу многое удивляло; в первую очередь то, что теперь отец приходил вовремя с работы. «Мама всю жизнь его поджидала да выглядывала, а он не торопился». И поражала нестыковка между тем, как он убивался на похоронах – дети опасались, что он не переживет горя, – и тем, как быстро стал искать замену жене. Но удивляйся – не удивляйся, а куда денешься от отцовских штук.

– Пода?рки йэы? но?сэ, а обсти?руешь ёго ты, – ворчала старуха.

– Так не зря она бухгалтер – всё прикидывает, да рассчитывает, – с оптимизмом в голосе поясняла внучка.

Домашние ждали – вот скоро Нина Михайловна заберет Анатолия к себе, и заживут они тихо – мирно. Но это событие отодвигалось и отодвигалось. То кто-то сказал жениху про какие-то давние ее отношения с кем-то, и он устроил разбирательство. Саша увещевала:

– Зачем ты собираешь сплетни? Человек жил без тебя почти шестьдесят лет, и чего ты хочешь от нее? Она не гулящая, это точно. Так что извинись, и больше спрашивай с себя, чем с других. Опять в подпитии?

– Ну, выпил пять капель... Ладно, пойду мириться.

«Молодые» помирились, но Саша продолжала обстирывать отца, а Нину Михайловну продолжал точить червь сомнения. Только ее дочь-студентка свыклась с бой-френдом матери, как зависла новая угроза – старший сын скооперировался с Анатолием, и повадились они «соображать» на бутылку.

В побегушках да в ухаживаниях прожил Анатолий осень, зиму и весну. Летом, Гала продавщица пригласила его с Ниной Михайловной на свадьбу своей дочки. Анатолий не сдержался в рамках приличий – из-за пустяка поссорился с Ниной Михайловной, и даже сделал попытку замахнуться на нее. Вор в законе Стародубец, как почетный гость и кум Гали, дал указание вывести скандалиста из-за стола. Привыкший «держатъ верх», Анатолий только благодаря водке и тиранству над дряхлой своей матерью вернул душевное равновесие.

Почти всегда под градусом, он вспоминал былые грешки матери: что была деспотична к покойной жене; что вовремя не искала потерянных при раскулачивании троих детей от первого мужа. А она пыталась тщетно их искать сразу, но были трудности того времени, да новая семья, и еще посыпались дети от Тимофея один за другим, так что сын и две дочери выросли без нее. И вообще, в данный момент было жестоко терзать почти столетнюю старуху, которая всегда о себе говорила к любому случаю: «я, грешница, сказала» или «я, грешница, подумала». Ко всем скелетам из шкафа, прибавилась еще одна проблема – Анатолий стал забывать, куда спьяну кладет деньги. Вместо того, чтобы искать свои капиталы, он вначале устраивал скандалы Нюсе.

– Сашок, зно?ва ка?же: «Убью. Дэ мои гро?ши?» «Та нэ знаю, нэ ба?чила. Та и на шо воны? мэни?? Я пенсию Саше виддаю?, а от тэбэ? вона? нэ возьмэ?».

Саша шла и прорабатывала отца, и конечно, в его глазах была дрянь – не человек. Для дочери отец был мрачноватой загадкой очень давно. И если раньше мрачноватое впечатление освещалось матерью, которая будто фонариком подсвечивала его достоинства – а они, конечно, были, – то теперь разница не характера, а интеллекта никак не могла зажечь даже искру. В потемках отцовской души дочь только натыкалась на кучи строительного мусора того, что осталось от его достоинств.

То ли упорство, то ли, в самом деле, романтическое чувство погнало Анатолия в конце лета мириться с бухгалтершей. Саша была этому только рада, как шансу приличного, а не пропойного существования родителя. Она не смогла отбиться от его просьбы срезать розы, которые выращивала для годовщины смерти матери.

– Саш, ну срежь розы... Как я пойду на день рождения без цветов? А завтра мы купим.

– Ты, наверное, думаешь – умер человек и ничего не знает. Мертвые больше нас знают. Нельзя мертвых обижать.

– Саш, ну срежь розы. Завтра я лучше этих куплю.

Она, стыдясь своего малодушия, срезала цветы и подала их повисшему на забор палисадника отцу. Чуть позже, не столько из любопытства, а сколько для порядка, пошла в магазин и навела справку – действительно, у бухгалтерши был день рождения.

Вскоре, умная Нина Михайловна сделала правильный выбор – не стоит связывать жизнь с человеком, который не может контролировать свои пагубные страсти, и дала Анатолию окончательную отставку. Дома он усилил террор против Нюси и огрызнулся на каждое слово дочери.

– Пропа?лы мы, пропалы, – приговаривала сникшая Нюся, – вин мэнэ? убье?.

Саша тоже не ждала хорошего. Как-то, по возвращении с фабрики со второй смены ее встретила встревоженная старуха:

– Хтось прыхо?дыв, и ба?тько сив у машину и уи?хав.

Саша уже два дня переживала за Гошу, который уехал в командировку на Урал. Так далеко брат еще никогда не ездил, и если сестра начинала беспокоиться о нем, когда он задерживался на полчаса, то теперь ей виделись дорожные катастрофы и бандитские нападения.

«Этот кто-то, наверное, принес дурную весть о Гоше, и поэтому пьяный отец уехал. Может, на опознание?»

Она включила свет в своих двух комнатах и напоминала больше разбалансированный механизм, чем человека. Только слух четко улавливал тяжелую тишину. Примерно через час ночную тишь вспорол рев отцовского «Москвича», и отчаявшаяся Саша побежала к калитке. Выглянула в уличный мрак – «Москвич» смирно стоял перед воротами. Отец не выходил. «Не знает, как сказать», – решила дочь и подошла к машине. Она пригнулась к запотевшему изнутри окну, но в этот момент отец приспустил стекло, и Саша увидела его пассажирку – соседку Раю – жену Валька. Рая стыдливо закрыла лицо руками. Саша, испытывая гадливое чувство, отошла на шаг. В ее голове еще не выстроилась цепочка аргументов против Раи – алкашка, грязнуля, цыганская прислужница, ворующая у себя самой кур, – как отец вылил поток самой отвратительной и последней ругани в ее, Сашин, адрес. Дочь отступила

еще на шаг, пребывая в таком состоянии, будто две огромные руки вытрясли из нее все мысли и чувства, и как в бреду, она нашарила в пустой голове одно-единственное слово: «Подонок».

Плюхнувшись на диван, Саша разревелась. Она всегда ненавидела матерную ругань. «Женщине низзя? каза?ть матэри?нски слова – грих!» – много раз говорила Нюся. Валентина тоже не пользовалась словесной грязью, Анатолий при детях никогда не выражался, поэтому Саша была и предупреждена и ограждена от скверны. Став взрослой, она прицементировала в тот свой ряд благородных суждений и кирпичик мнения: «Низкие плебейские натуры любят ругательства. Слабаки, чтобы вписаться в племсоколлектив занимаются подражательством. Но я плевать хочу на эту гнусь». И как-то так сложилось в жизни – ее не оскорбляли, иногда из уважения, иногда из боязни. Однажды, вся группа художественной школы увидела – Саша ударом под челюсть свалила с ног довольно крупного своего одноклассника за слово «биксочка», и как бабушка отшептала ему дразниться.

Торчали гнилыми корягами слова-уродины из вековых глубин, но ведь время настало такое, что настоящий октябренок, пионер, комсомолец, а потом рабочий-коммунист или рабочая интеллигенция должны быть красивыми если не снаружи, как на плакате, то внутри обязательно. Ну ругнулся Толик Иванов на Игоря Калашникова, когда они под предводительством их гордости, председателя совета отряда, их Сашки, искали по лесополосам памятник павшим солдатам отечественной войны. Так это же Толя Бу-бу, лупатый троечник в конопушках, безотцовщина. И на стенах клуба с задней стороны написали крупные угольные матюги и набили бутылок хулиганье, тупые двоечники, которые ничем не могут блеснуть.

– А ну, марш во двор, – приказывает Валентина детям, когда напротив, чуть правее, у Великохацких начинается свара.

Саша знает: два сына деда Максима – воры, и к ним пришли блатные, и что-то там выясняют; как говорит баба Нюся «вор у вора дубы?нку укра?в».

От других соседей тоже иногда доносится мат.

– Так воны? гамаи?, – поясняет Нюся и рассказывает, что Воронеж уже гамайщина, а уж дальше и говорить нечего: гамаи – кацапы клопов не вывели в

наше время, готовить не умеют и матерщина у них в порядке вещей.

На хлебокомбинате две пожилые прачки, с которыми подружилась Саша, только по самой острой необходимости стали ругаться, потому что заметили – Саша вообще не ругается, и стеснялись собственной простоты.

Разнузданный отец сделал большую ошибку, что обрушил на дочь скользкие донные слова, потому что когда Саша шла в дом, откуда-то из темного полночного угла вынырнула госпожа-месть и зашептала: «Надо найти в гараже канистру бензина, быстро ливануть на машину и поджечь». Сквозь рыдания, Саша все равно слышала просьбу-приказ, и уже тянулись руки к ослепительному мечу правосудия. Пока она боролась с соблазном покончить одним костром, одним взрывом с мерзавкой Раисой и мучителем отцом, снова взревел «Москвич», и было понятно, что отец уехал.

Благополучно вернувшийся Гоша удивился, что сестра не на работе, и лицо ее бледное, вымученное с большими отеками под глазами.

– Что тут у вас произошло?

Рассказала сестра и об оскорблении, и о преступном желании отомстить, причем она была еще опутана обидой и не могла честно сказать ни себе, ни другому человеку – хорошо или плохо, что не случился поджог?

Гоша сочувствовал, он знал – за грубоватостью, если присмотреться, проглядывался прозрачный мир справедливости и добра, как и знал – горе тому, кто попытается нарушить эту прозрачную гармонию в душе сестры.

– Успокойся. Я поговорю с отцом.

– Я видеть его не могу.

Нюся, как и положено, для убедительности раскачивала слово: «б-и-и-и-со?вэсный».

Анатолий не считал себя виноватым, но, выслушав двойной упрек, сделал на лице серьезные складки и сухо извинился перед дочерью.

«Что мне это извини», – сказал внутренний голос Саши, сплевывая кровью.

7

В момент, когда душевные силы Саши стройным войском встали перед растрепанной ордой отцовских страстей, – и умерла баба Маня. Ничего не изменила эта смерть на поле враждующих сил – женщина в черной юбке колоколом была призывом боевой трубы, чтобы противники приготовились к очередной атаке. Но, за стройными рядами Сашиного войска стояли хозяйственные обозы, тогда как орда варваров – чувств отца жила по принципу хаоса.

Согревало желание Нади Молостихи купить домик бабы Мани. «Только бы не разгромили его карьерцы!» Поэтому, Саша ходила на бабушкино подворье, показывая внимательным добытчикам, что вот она хозяйка, тут как тут, и днем, и вечером. Много раз даже ночью, с резиновой палкой от щедрот Олега, шла она проверить обстановку.

Приходили дочь и зять Молостихи, ревизскими взглядами осматривали каждую доску, каждый плинтус и каждую трещину. Наследница была спокойна – домик-то ладный, теплый; аккуратная печь обделана нержавеющейкой, вся столярка добротная, сработанная дедом Валентином.

– Может, немного уступишь? – канючила Молостиха.

– Я и так мало прошу, – стояла на своем Саша, – хотите продать пианино и стиральную машину, но как сравнить обычное пианино и стиралку, пусть даже и автомат, с жилым домом, с землей?

– Ты уж еще подожди. Не давай объявлений о продаже.

– Хорошо. Подожду. Только каждый день дорог. Тяжело мне присматривать, а дома дел по горло – всё хозяйство на мне.

Когда Саша прилаживала кусок рубероида к оштукатуренной и выбеленной стене кладовки, чтобы уж надолго забыть о раскисании и трещинах, ее пёс серьезно на кого-то разлаялся. Уверенная, что во дворе нет чужих, Саша вывела Лютина из вольера погулять под нежным осенним солнцем. Отец размахивал перед мордой собаки лопатой, а сам пытался вывести из своего дома Тамару Бурдючиху. Хозяйка подросла на выручку разъяренного Лютина, когда отец уже прицеливался его огреть лопатой. Такое Саша не могла терпеть:

- Не трогай мою собаку, - крикнула она.

- А чё он ки?дается?

- На кого? На нее? И ты еще бить собрался Лютина из-за какой-то дряни?

- Сама дрянь.

- Хорошо, сейчас...

Дочь мигом отвела собаку в вольер, подбежала к отцу и вырвала из его рук лопату. Видно было, как он впал в акулье состояние, но Саше захотелось, наконец, правильно расставить акценты. «Я тебе припомню хоть и редкое, но преступно-напрасное рукоприкладство по отношению к матери. Я тебе покажу, как бродяжек в дом приводить», - мысли хлыстом били, будто дрессировщик распалая хищников. Мстительница подхватила стоящее у порога ведро наполовину с водой и, крутанув его, пустила в полет по направлению к идущим к калитке отцу и Бурдючихе. Тамара, ведущая беспорядочный образ жизни, видела в избытке любые гримасы судьбы, но струхнула сильно. Она втянула голову в плечи и громко ойкнула под водяными брызгами, с переполоху не понимая, как открыть калитку. А тем временем отец поднял пустое ведро и прицельно бросил в Сашу. Попытка увернуться не совсем удалась, ведро по касательной зацепило икру правой ноги, и тут же снарядом полетело обратно, черканув дужкой отцовскую скулу. Скула мгновенно расцвела алым пятном. Отец ринулся на дочь, откуда-то взялась Нюся и распялась между сыном и внучкой.

- Нэ тронь! - кричала она, - да дэшь Гоша?

- Ба, отойди! Ничего! Посмотрим, кто кого!

Анатолий таки устранил преграду, и Нюся шкопырнулась на бок с жалобным кряхтением.

– Я же просила отойти, – запыхавшись в перехвате отцовских рук, дробью выпалила Саша и затолкала отца в дом, мгновенно подперев дверь спиной. Анатолий выдавливал дверь наружу, но крепкая дочь так уперлась ногами, что потрепыхавшись он затих.

«Так-то лучше», – сказала про себя Саша, отойдя от двери.

– Бок болеть, – драматично констатировала старуха.

Пришел с пыльным носом Гоша – он, оказывается, готовил свою машину к зиме в Ольгином дворе, потому что в родном дворе его машине не было места, а в гараже стоял старый, кривобокий «Москвич» отца.

– Гоша, я ж тэбэ? гука?ла, – плаксиво начала Нюся, – ба?тько Сашу чуть нэ убы?в.

Внук внимательно посмотрел на сестру, потом на отца, который облокотился о притолоку и выставил напоказ разбитую скулу.

– Я не пойму, кто кого убивал? – иронично заметил Гоша. Покрыть мови?лем уязвимые места у своей «четверки» для него в этот момент было более важным делом, чем семейные войны. – А ну вас, – махая рукой, он опять ушел к соседям.

Саша осмотрела немного помятое ведро, затем поставила его под колонку, открыв воду. Не успела она забрать полное ведро, как распахнулась калитка, и в уличном просвете нарисовался дед Валентин. Во всем была несвойственная для него резкость: в движениях, и даже в глазах – они были похожи на антрацит. Без вступления он возвестил:

– Фёдора мне, как брата, жалко, а Лида – сволочь!

«Конечно, сволочь. Просила шкаф для внучек, но куда там!» – поэтому, Саша не собиралась уточнять, тем более Нюся, обрадовавшись гостю, сахарно зазывала его:

- Сват, прохо?дь, проходи у ха?ту. Хоть ты ёго поругай.

Старики тяжело вползли в дом, Нюся усадила гостя.

- О, дядь Валь, - тоже обрадовался Анатолий, - Саш, у тебя нет пять капель? - заискивающе-буднично спросил он, сидя возле печи на венском стуле и держась рукой за печную стойку, напоминая худого безбородого Посейдона.

- Ктой-то тебе так? - дед заметил кровавой узор.

- Я, - спокойно призналась Саша.

Дед хоть и понял, что не зря дошло до членовредительства, однако, выказал интерес:

- За что?

- За Тамару Бурдючиху.

- Тамара... Тамара... У ней и брат есть?

- Есть.

- Это те, что свою хату бросили, а ее разбомбили?

- Они самые.

- Чего бы не жить? Вода в доме есть, хатка хорошая. Сейчас еще стены и крыша стоят, остальное всё посрывали. Так, а сами они де живут?

- У цыганей прислуживают.

- Молодые, и опустились до последней степени, - дед вздохнул и вроде бы успокоился. Саша ушла за водкой в свой дом, где было спрятано несколько бутылок - остатков от похорон. Войдя с двумя рюмками, водкой и тарелкой закуски она услышала оправдание отца:

- Мне женщина нужна.

Дед учил, что надо искать порядочных женщин, а не шаромыг. Нюся укоряла за неувиденных невест от дальних родственников, по ее разумению, именно одна из них и была бы подходящая.

- Нэ то, шо Нына. Хоть бы раз рубаху ёму простирнула.

Саша не стала слушать эту галиматью и ушла с несвежими раздумьями об отце: «Вот примитивщина – ревет, как марал в брачный сезон на всю округу. Почему же Гоша не таскает девок в дом? Потому что воспитан, он еще маме говорил, что тогда познакомит с девушкой, когда будет уверенность в серьезности отношений. А папаша – ни стыда, ни совести».

Добрые уличные вестники проинформировали Сашу о том, как Бурдючиха получила неизгладимое впечатление от посещения дома Анатолия. Цыганки тарасили глаза от описанных зверств дочери, подтрунивали над Тamarой – мол, еще пойдешь в гости? – и пустили по цыганам слух: Саша страшный человек.

Через пару дней под предлогом взять у внучатой племянницы мелких гвоздей с большими шляпками пришла Лида.

- Люди говорят, что ты сказала – родня не дали ни копейки на похороны Мани.

- Так это же правда. А какие люди? Впрочем, я знаю, – Саша вспомнила, как она удовлетворила любопытство соседки, тети Любы Плахтюковой, конечно же не рассчитывая, что она начнет склочничать.

- Я говорю – не дали. Продадуть внуки дом и окупять расходы.

- Насчет расходов – они оказались больше в три раза, чем могли быть. А за дом много не дадут – во-первых, во-вторых – еще продать нужно. Молостиха собирается покупать, дает только четыре миллиона, и тех нет. Место – на любителя: рядом тропа в этот гадюшник-карьер, сзади цыгане, перед тропинкой тоже цыгане. Устроили торговлю наркотиками; покупают наркоманы зелье и по тропинке в карьер, там и растворяются. Из бабушкиного дома хорошо слышно «топ-топ» и днем, и ночью.

- Я думала, что в Фениной хате русские живут, а ты говоришь цыгане.

- Приехали из Ровеньков, расползлись по всему поселку и сеют зло.

- Куда же милиция смотреть?

- Милиция с них дань собирает, еще предупреждает, когда облавы будут.

- Ну, надо же?

- Вот пусть оденет дед Федор свой полковничий мундир и стукнет кулаком по столу под носом у начальника горотдела - когда порядок будет?

- Ха-ха-ха-ха, - рассмеялась Лида, - порядка во всей России нету. Пенсию задерживают, шахтерам не платят, народ злой. А дед Федор уже негожий, с бутылочкой ходить - ему ж операцию делали. А у нас на днях Валентин был, - «Уже теплее» - подумала Саша, - хвалился:

- Пришел на работу, говорю, сестра померла. Мне начальник - беры, Филиппович, любые доски, делай гроб. А я не стал. Кабы мне внуки дали пять тысяч, тогда бы сделал.

- Мы за четыре с половиной купили уже обитый, - вставила Саша.

Я ему:

- Чем хвалился? Родная ведь сестра была, хоть бы постыдился такое говорить.

Он:

- Не встревай, я до брата пришел по делу. Мы, Федор, прямые наследники, давай в наследство вступать.

Так Федор - молодец, правильно ответил:

- Если я помру, значить, ты и у моих внучек всё заберешь?

Дак он аж побелел...

- Я там всё делал.

- Делал, так тебе Маня платила и кормила.

Ушел не солоно хлебавши... Жадный - и ртом и жопой бы хапал.

Лида вывалила, как отходы на свалку, наболевшее и засобиралась, положив сверточек мебельных гвоздей в тканевую сумку.

- Там у нас яблоч много, портются, приходи - наберешь, - сказала она напоследок.

- Спасибо, не надо, - Саша провожала взглядом бабу Лиду, напоминающую со спины клопа-черепашку.

«Ну и дед! У меня и мысли не возникло, что юридически он, конечно, прав. Я - простуха, о человеческих законах думала: на маму было завещание, мама умерла, значит, нам детям мамино. Оказывается, деды главнее».

- Что ты хочешь? Старое поколение, с дерьмом не расстанутся, - начал обсуждение темы наследства Гоша, - брось ты свои ночные вылазки, пусть дед Валентин заботится о сохранности.

- Он даже не сообщил о своих притязаниях - «Лида сволочь», и больше ничего. Все-таки я схожу к нему.

Малоприветливо встретил дед внучатую племянницу, пыхтел и хмурил брови. Саша знала много оттенков в обращении с людьми, для начала она «включила дурочку», наивно, хлопая ресницами, сказала:

Оказывается ты, дед, баба Аня и дед Федор - вы главные наследники, а мы с Гошей - с боку-припёку. Продавайте сами, и смотрите теперь сами за домом.

Какую внутреннюю работу проделал дед, осталось неизвестным. Может, вместе с Клавой принял тяжелое решение, а может, подточили его устойчивые неприязнательные Федор с Анной, но, нахмурившись еще больше, он объявил:

– Здоровья нету смотреть за Маниной хатой, ты ближе живешь, вот и хлопочи. Не надо мне ничего.

– Что ж, если продам, то тебе, как прямому наследнику выделю часть. Только продать не просто будет. Место проблемное. Состоятельный человек не захочет жить в такой дыре, ну а у бедных сейчас денег нет. Уже спрашивали две семьи беженцев, одни дают два, другие три миллиона, и то нужно ждать пока они соберут деньги. Молостиха, с горем пополам, обещает четыре, но тоже надеется на продажу пианино и стиральной машины.

Сказано это было уже деловым, далеким от юродства тоном, так что дед поплямкал губами и немного повеселел.

– Ладно. Продавай. А там посмотрим.

Шкафа, однако, не было видно. Понятно. Продан.

Осень, сделав два легких шага – сентябрь и октябрь, почти не капризная, потрянула подолом, и появились пестрые листвяные циновки. Еще седьмого ноября было до уютности тепло. Праздник, когда-то уважаемый за повод сплоченно выпить на второстепенной улице, чтобы бодро прошагать по главной с флагом или портретом члена политбюро, перешагнув 75-тилетие, был не нужен и не интересен, как больной старик. И вот пришла к больному сострадательная родня – редкая кучка пожилых коммунистов. Они устроили митинг с транспарантами: «НЕ ПРИЗНАЕМ НЕУДАЧНЫЕ РЕФОРМЫ», «ЕЛЬЦИН – ВРАГ СВОЕГО НАРОДА», – которые заслонили двухметровые сапоги воина-памятника.

Саша, не уловив робкого звука праздника, вычищала от сажи хода своей печки, а к вечеру занималась еще более неприятным делом – чистила и разделявала пять небольших рыбин, которые отец приобрел на вокзальном базарчике у рыбаков.

Восьмого бахнул мороз с нешуточным восточным ветром, усиливающим вдвое неприятный эффект. Саша с досадой поглядывала из окна, как гнал сквозняк к порогу темные листья. Анатолий отвел душу жареной рыбой, потом, заскучав, отправился к Вальку с Раей распить бутылку.

Соседи во всех смыслах жили плохо: в доме грязно, сами зачуханные, скандалы часты – но гостей любили.

– О-о-о! Тимофеич! Заходи, – татарское лицо Раи прыснуло радостью.

Скользкая бутылочная шея сообщила ладони прохладу, и с нежным внутренним хлюпом, с сияющей медалькой-крышечкой поллитра описала дугу из кармана куртки на стол.

Помимо хмельного каляканья, Анатолия ждал сюрприз. Как в тени пенька скромно вылезла бледная поганочка, так и в закопченной комнатухе на облезлом табурете сидело худосочное создание с осветленной стрижкой. Создание преданно повело зелеными глазами на Анатолия, и он понял: «Вот, наконец, судьба после огрызков дала мне чудо-фрукт».

Всё было чуть проще. Не считая постыдного обнаружения Сашей Раи в отцовской машине, соседка дважды приводилась в дом Анатолием. Нюся возмутилась шашням сына с мужней женой, тем более соседа. Саша пообещала выправить ситуацию. Она перемахнула через забор, цыкнула на двух кобельков и впервые в жизни вошла в убогое соседское жилище.

– Я вас прошу больше не бывать в доме отца.

Виноватая Рая не посмела отлепить глаза от умерщвленной домашней птицы, лишенной наполовину оперенья коричневыми от крови пальцами хозяйки. Она знала, что воевать с Сашей «в лоб» не получится. Поэтому принесла как-то на заре мертвую дворняжку и положила ее под стеной Сашиной кладовки, предварительно разведав, что приболевший Лютин будет в доме.

«Вот мразь!» – мысленно возмущалась Саша, конечно, зная, чьи это проделки.

Дворняжка не исправила кривое Раино самолюбие, ей хотелось масштабности. К счастью в ее сети попала крупная добыча в лице наркоманки, давшей стрекоча из родной станицы. Пришел после отсидки в родную станичную хату брат, а сестра всё родительское добро «проколола». Нашел он уцелевший топор и хотел поучить мотовку. Но ускользнула верткая сестра из лап пьяного брата. Куда? На автобус и в Шахты, где много знакомых мест и хороших людей, которые позволят переночевать, пусть даже и за интимные услуги. На самый крайний случай можно постоять на улице Маяковского, обязательно найдется желающий, и ты уже с деньгами, а если доехать до трассы «М-4 Дон», так еще и попутешествовать есть возможность. В общем, такая девушка, как Светлана не пропала бы.

Какое-то время она крутилась в обществе карманников на Сашиной улице. Саша, желающая всем вора, алкоголикам и наркоманам сгореть в адском пламени, старалась их не замечать. Справляться с собой было трудно, потому что улица кишела паразитирующим сословием. Наркоманы предлагали купить у них вещи, алкоголики вились возле двора, липли к Анатолию. Воришки, всегда клубившиеся у Великохоацких, теперь больше базировались у Мики, пригретому полуплегкомысленной женщиной в доме напротив Сашиного двора. Растворялась зеленая калитка, и выпархивала Света в ворованной кожаной куртке, мчалась по поручению за водкой и закуской. Жизнь была прекрасна до тех пор, пока соседка находилась в запое. Но, на то она и полуплегкомысленная – когда в голове родились здравые мысли, все были разогнаны, калитка надежно заперта и спущены собаки, оставлен был только ненаглядный Мика, Света попыталась увязаться к вору, подарившему ей куртку, но он признался, что женат. Дорога одна – к цыганам. Они охотно забрали куртку в обмен на «ширку», и разрешили остаться прислугой. Рая тоже приходила в цыганский двор – мыть туалет, чистить печи, уносить мусор. Две служанки разговорились. Рая, не столько по-женски сочувствовала, сколько смекнула свести наркоманку с Анатолием, чтобы знала ненавистная Сашка «где раки зимуют».

– Есть у меня на примете хороший человек. Он, правда, в возрасте, но при здоровье и при кое-каких денежках, – Рая хихикнула.

По логике у беглянки должна была быть фамилия Колобкова, но у нее была цирковая – Алмазова. Раин выстрел оказался снайперским. Анатолий подсел к Алмазовой, остроумничал и, сгорая от любовного пыла, даже не послал «за добавкой». Но Рая была не в накладе, она потирала руки: «Ой, что будет?!»

Анатолий не знал о черных пятнах в биографии Светы, ему сообщили только о белогорячечном кровожадном брате, который согнал сестру голую и босую в лютую стужу. Поэтому помимо навязчивой идеи жениться припуталась еще благородная миссия помочь несчастной. Он взял Свету под свое подъеденное молью крыло.

Молодая жена была введена в дом, и как только старые глаза Нюси разглядели, что невестке чуть больше двадцати лет, она приковыляла к Саше с недоброй вестью. Стоя на морозном ветру, Саша и Гоша смотрели в белое электрическое окно родительского дома.

– Я ее видела в Микиной компании, она наверняка воровка. Надо ее вышвырнуть со двора, – предложила сестра.

Но Гоша не был задорист и, наблюдая галантности отца, он махнул рукой:

– Что мы сделаем? Он имеет право. Да и не надолго это.

Саша пожалела, что в этот момент брат был дома, сама бы она проявила жесткость, и уж если бы не выгнала Алмазову, то хотя бы сделала попытку. Негодующая дочь вызвала отца на улицу:

– Ты с ума сошел! Знаешь, что это за личность? Она с ворьем водится, может, даже по их заданию к тебе приклеилась.

– Мне лучше знать, как жить.

– Убирай сейчас же эту гопницу!

– Я сказал, сам разберусь, – перетаптываясь от нетерпения, недовольно подытожил родитель.

– Ах, так! Ноги, ни моей в твоём доме, ни твоей в моем, не будет.

– Вот и хорошо, – отец обрадовался по-настоящему.

Судьба неслышно подкралась и надела на Сашу железные латы бессилия. Где-то внутри пульсировала воспаленная ее внутренняя свобода. Легкий воздух и еще более легкая пустота заменились тяжелой обидой: тук-тук-тук – отбивала водянистая груша.

Перед уходом на работу, отец повел свою молодую в туалет, и Саша увидела в окно, как Алмазова с алчным восторгом осматривала двор, подразнила рукой разъяренного Лютина, зарешеченного в вольере. «Мерзость, она еще смеет раздражать собаку. И ухмылка точно такая же, как когда она шастала в кожаной куртке, а я в старом свитере на корточках выбирала из выброшенной золы несгоревшие угольки и гвозди. Ненавижу! Ненавижу!»

В туалет Саша не пошла из принципа, отправилась на подворье бабы Мани, осмотрела все ли цело и попользовалась узкой кривенькой бабушкиной уборной. Почти весь день она пролежала поперек своего разложенного дивана под печью в напряженном оцепенении. Все человеческие потребности стали чужими: не елось, не спалось, не читалось. Хорошие мысли покинули голову, как пчелы улей.

– Сашок, надо угля набра?ты, – попросила Нюся.

– Я поставлю ведра у порога, а топить печь не буду.

– Кобель проклятый! А вона? выда?ть бы?та, яка?сь прощалы?га.

– Хуже.

– Господи! Яко? говно ны пльвэ?, и усё до нашего бэ?рэга.

Гоша, приехав с работы, застал сестру в запечном унынии.

– Не принимай так близко к сердцу.

– Я матери обещала... Он не разрешал ей губы красить, надомницей устроил. Хозяйничал, хозяйничал над ее мыслями и поступками, а тепер ходит по двору нечисть, прошла «Крым и рым». Мне всё Микина дура рассказала. Такую шваль не то, что в дом вводить, убить просто мало.

– Что мы можем сделать?

– Что, что... Сразу нужно было выгнать.

Кое-как наскребла Саша силенок, чтобы покормить Гошу и Нюсю. Бережно работая ложкой, старуха бесшумно поглощала фасолевый суп. Миска была большой, и сделав передышку, она с хвастливой ненавистью рассказала:

– Привив?з копчёну ковбасу? и мандары?ны. Дава?лы и мини?, а я кажу? – у Саши пои?м.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/blazhkova_anna/po-nasledstvu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)